

Джина Шэй

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Ни ЗА что!

Сапфировая дилогия

Джина Шэй

Ни за что!

«Автор»

2022

Шэй Д.

Ни за что! / Д. Шэй — «Автор», 2022 — (Сапфировая диалогия)

Светланой Клингер можно только восхищаться, но совершенно невозможно её любить. Слишком невыносима, слишком непредсказуема и просто она - слишком. Во всем! Александр Козырь из тех кто привык к высшему классу во всем. Если тачка - то последняя модель мерседеса, если любовница - то с третьим размером груди как минимум, если покорная - то такая, что без лишних вопросов сразу встает на колени. Что между ними может произойти? Ничего! Никогда! Ни за что! Ночь, улица, фонарь, парковка... Одна сломанная рука, одна выпавшая не вовремя плеть... Их взаимная зависимость растет не по дням, а по часам, и вот уже пылают в огне разорванные в клочья две прежние жизни. Еще чуть-чуть, и запылает третья. Но чья это будет жизнь? Содержит нецензурную брань. В книге присутствует упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Шэй Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Дерзкая	6
Глава 2. Летучая	10
Глава 3. Цепляющая	16
Глава 4. Несносная	22
Глава 5. Хрупкая	28
Глава 6. Заинтересованная	32
Глава 7. Провокационная	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джина Шэй Ни за что!

Аннотация

Александр Козырь из тех кто привык к высшему классу во всем. Если тачка – то последняя модель мерседеса, если любовница – то с третьим размером груди как минимум, если покорная – то такая, что без лишних вопросов сразу встает на колени.

Светланой Клиnger можно только восхищаться, но совершенно невозможно её любить. Слишком невыносима, слишком непредсказуема и просто она – слишком. Во всем!

Что между этими двоими может быть? Ничего! Никогда! Ни за что!

Так они думают.

А купидоны, кажется, на них поспорили!

Глава 1. Дерзкая

– Мужчина, честно признайтесь, вы долбанутый.

Она сидит напротив, болезненно морщится, по всей видимости – анестезия еще не подействовала и закатанная в гипс рука все равно причиняет ряд острых ощущений.

– Готова поспорить, вы этим развлекаетесь, – продолжает язвить девица, ехидно кривя свои яркие губы, – сбиваете женщин, ломаете им кости, ездите с ними по больницам и упиваетесь их болью. Угадала?

Он смотрит на неё пристально. Он не привык реагировать на всю эту чушь, с помощью которой бабы обычно любят привлекать к себе внимание.

Впрочем, обычно и бабы все-таки не настолько хотели его внимания, чтобы броситься под машину. Или это они просто еще не додумались?

Ладно, объективно – сам виноват. Не во все стороны глянул при парковке, задел эту мелкую выскочку по своей вине. Не она привлечь его внимание хотела. Впрочем, с задачей избежать его внимания она тоже справилась так себе.

Такой громоздкой матерной конструкцией его обложила, что даже если и не хотел бы как-то сделать вид, что не заметил, как его машина поцеловала в бедро худую как жердь девицу, то передумал бы. Хотя бы ради того, чтобы убедиться, что эта фурия с грязным языком – существует в реальной жизни.

– Слушайте, ну для разнообразия поднимите глаза, пожалуйста, – ядовито комментирует собеседница, – ну хоть на тридцать сантиметров, что ли. А то я уже начинаю думать, что во мне интересны только мои щиколотки.

Он встречает её взгляд, улыбается с ленцой.

– Хочешь быть мне интересна?

Она выдерживает взгляд блестяще, усмехается, перекладывает ногу на ногу, ехидно фыркает тому, как цепко он отслеживает и расставание её коленей и их воссоединение.

– Не хочу. Я с такими как вы даже не разговариваю обычно. Разве что по работе.

– По работе? – он повторяет это цепко, а потом стреляет глазами в сторону брошенного на стул у двери предмета. – По этой работе?

Когда из сумки у неё выпала эта выпендрёжная белая плеть, он, мягко говоря, охренел. Нет, знал, конечно, что в БДСМ-клуб едет, но чтобы вот эта соплюха и в роли Госпожи? Складывалось, конечно. Но картинка смотрелась неправильно. Будто кто-то её наизнанку вывернул.

– По этой, – девица самодовольно улыбается, – так что если вы не хотите взять эту штучку в зубы, чтобы принести её мне – сразу заткните свои хотелки за пояс. Вам не светит.

Потрясающе. Просто потрясающе. Честно скажем, он уже и не помнил, когда женщина на полном серьезе озвучивала ему эти слова. Вот так вот искренне, без желания набить себе цену. И дело было даже не в том, что Александру Козырю в Москве никто не отказывает. Обычно даже представляться не надо было. Хватало общего лоска и дорогих запонок на рукавах рубашки. Но сейчас... Их, кажется, не хватило. И это забавляло бесконечно. С другой стороны, оставлять последнее слово за тощей девицей, которой, кажется, только позавчера восемнадцать стукнуло, не хотелось. У неё и без того без меры завышенное самомнение.

– Расслабься, девочка, – произносит он бесстрастно, отворачиваясь к двери, – ты не в моем вкусе.

Ведь на самом деле не соврал. Никогда не велся на таких как эта фифа. Не на что тут было вестись. Волосы? Ну, волосы. Темные, блестящие, ухоженные. Губы? Пожалуй. Хотя все-таки тонковаты. Глаза... Ну, да, выразительные, яркие, в них прекрасно видны эмоции их обладательницы. Но это тоже скорее недостаток, чем достоинство. Собственно на этом список достоинств заканчивался, начинались недостатки.

Фигуры нет почти никакой. Худоба – почти болезненная. Такие модельки хороши на подиуме, на них гламурные тряпки лучше висят. А в постели с ней что делать?

Лицо – узкое, черты лица – неправильные. Рот – чересчур широковат, а жена его так и вовсе заявила бы, что с таким носом на люди выходить стыдно. И подарила бы девице визитку своего любимого пластического хирурга. Ну, конечно, если бы эта девушка умудрилась Кристине понравиться. Что вряд ли.

Нет у неё ни грамма невинного очарования, которым обычно обладают многие её сверстницы. Видно по глазам – она говорит, что думает. Это обычно никто не любит.

И все-таки...

Он ощущает затылком, ну или слышит до предела напряженным существом, как нахалка встает с того скрипучего стула, на котором сидит. Подходит к двери.

Одной рукой берет черный плащ, пытается набросить его себе на плечи. Ну, да, замерзла. В одном тонком топе и короткой кожаной юбчонке прохладно. Топят в травмпункте паршиво. Надо было в коммерческую клинику её везти, но обычный бесплатный травмпункт был ближе.

Он находит себя за спиной девчонки. Прихватившим ее плащ и помогающим ей добраться наконец до рукава.

А пахнет от неё неплохо. Недорогой парфюм, бюджетный. Необычно горьковатый и сладкий одновременно.

Она разворачивается к нему, смотрит наглыми своими глазищами на него снизу вверх.

– Поздно вы спохватились, – шепчет она, высокомерно задирая нос, – рука уже в гипсе. Не удастся пощупать. Да и я не даю смотреть на себя, когда мне больно. Мужчинам – не даю.

– О чем ты, девочка? – ровно спрашивает он, но где-то внутри что-то опасно шипит и встает дыбом. Ей неоткуда это знать. В тот клуб, в который они приезжали оба – приходит тот, кто хочет. А сегодня он не практиковал. Первый раз приехал. Присмотреть себе новую девочку хотел.

– Ну не врете, – так едко улыбается, будто только что он её жутко разочаровал, как она и ожидала, – вы – садист. Дом и садист. У вас это на лице написано.

– Да ну? – он снисходительно улыбается. – А что еще там написано? Скажешь, сколько у меня детей?

– Один ребенок. Такие эгоисты как вы больше одного не заводят. Жена-красавица. Ноги длинные, попа бразильская, губы уточкой. Правда у вас на неё уже лет пять не стоит, ну тут уж ничего не поделаешь. Рецепт на виагру у доктора берете или по своим каналам достаете?

И сам не понимает, когда успевает прихватить наглую стервь за горло и сжимает на нем пальцы. Несильно сжимает, только чтобы заткнулась. Она смотрит на него так дерзко, что справиться с приступом гнева удастся плохо. Но все-таки он справляется. Отпускает её.

– Ты слишком много о себе воображаешь, девочка, – произносит раздраженно. Давно такого не было, что он выходил из себя так просто.

Давно такого не было, чтобы сопливая сикuletка сходу набрасывала краткий контур его жизни. И ведь дай ей волю – и подробности расскажет. Её кто-то подослал? С каждой минутой ему казалось, что это – самая большая вероятность. Ну если так, могли выбрать и посимпатичнее.

Что самое бесящее – ведь стоит и ржет. Даже когда за горло её держал – не дернулась. Не испугалась.

А ему бы хотелось...

– Светлана, держите, ваш отказ от госпитализации.

Медсестра появляется в палате как гром среди ясного неба. Протягивает девушке бумаги для подписи. Та берет ручку в левую руку, прокручивает её в пальцах, разминая их. Амбидекстр. Видно, что левой рукой она владеет не хуже, чем правой.

– Света, значит, – повторяет он, прокатывая её имя по языку. Неплохо.

До этого им было не до знакомства, она сначала материла его на чем свет стоит, лежа на заднем сиденье его тачки. Потом он просто ждал в коридоре, пока ей закончат накладывать шину. Когда разрешили войти – так и не дошло до этого примитивного вопроса об имени.

– Для маньяков-извращенцев – просто Сапфира, – девушка колко улыбается, – но раз уж мы знакомимся, на чье имя мне писать заявление о нанесении вреда здоровью?

– Козырь. Александр Эдуардович, – кратко откликается он, даже не думая отговаривать её от этой затеи. Правда лучше все-таки обойтись без ментов. Если в газеты пройдет инфо, что владелец и основатель крупнейшего фарм-концерна страны покалечил юную студенточку – акции могут надолго и накрепко просесть в цене.

– Александр Эдуардович, – Света произносит его имя с таким сарказмом, будто оно является психиатрическим диагнозом и полномасштабным преступлением одновременно, – что ж, я запомню.

– Ты уверена, что не хочешь лечь в больницу? – спрашивает он, шагая за своей случайной жертвой по коридору. Она оборачивается, глядя на него удивленно. Будто спрашивая, что он еще тут делает.

Хороший вопрос. На лучшие вопросы ответы лучше не давать. Особенно честные.

– Я могу оплатить тебе любое лечение. Просто скажи.

Смотрит на него так ехидно, что слышно это её невербальное: “А больше ничего ты предложить не можешь?”

– Перебьюсь, – кривятся ярко-малиновые губы.

– Гордая? – спрашивает он у её спины.

– Нет, – девица издает неожиданный смешок, – я бы с удовольствием вас поимела на деньги. Но если брать на лечение – на него и тратиться. А мне сейчас не до этого. У меня диплом. Кто его будет писать, если я буду загорать в санаториях?

– Знаю пару толковых людей. Хотя все зависит от твоего профиля.

– Нет, спасибо, – девица высокомерно задирает нос, – интересную работу я предпочитаю выполнять сама.

– Порка тоже относится к интересной работе?

– Ну, конечно, – улыбка собеседницы становится выдержанной, как глоток сорокалетнего вина из дубовой бочки, – что может быть интереснее, чем мужчина под моим каблуком? Готовый на все, лишь бы я его до кровавых соплей отодрала.

Дело происходит уже за забором травмпункта. Посреди слякотной лужи, которая прикидывается больничной парковкой.

Козырь делает широкий шаг к девчонке, ловит её за здоровый локоть, разворачивает к себе.

– Хочешь, расскажу тебе, кто будет для тебя интереснее? – спрашивает, настолько близко склонившись к её лицу, что его губы почти касаются её рта. – Мужчина, который тебя на колени швырнет.

Он чувствует её отдачу. Ответную реакцию, которая бывает у всякой сабы, очень давно желающей, чтоб её скрутили в бараний рог. Лишили всякого выбора. Раздавили сопротивление без жалости. Так чтоб мякоть во все стороны разлетелась.

Терпкий её вздох, как сигнал – податься вперед и притянуть её к себе. Но прежде чем он это делает – она делает шаг от него. Проводит линию.

– Да, такой бы мне понравился, – Сапфира покачивает головой, – да вот только у меня на таких жесткий кастинг. И вы его не проходите.

Он вообще-то терпеть этого не может. Когда уже втянул в нос запах жертвы, только-только примерился, чтобы глотнуть её еще больше – а баба включает недотрогу и начинает выеживаться. Лишняя трата бесценного времени. А тут...

– Почему же не прохожу? – произносит, шагая к своей машине и открывая дверцу. Сапфира придирчиво смотрит на него, щурится как кошка, а потом ныряет в машину. Устраивается на задних сиденьях, как дома на диване. Даже ноги вытягивает вдоль кресел.

– Ну, а как вы живете? – спрашивает она и тут же отвечает. – С женой на виагре, с нижними – по таймеру. Каждому человеку, с которым вы говорите, выдан временной лимит. Я его нарушила. Вы меня повезли в больницу, и у вас за эти два часа куча встреч оказалась сорвана. Вам такие как я – только напряжение сбросить и удалить номер. А я не люблю, когда меня удаляют. Это я удаляю всех, кто меня не устраивает.

– Куда тебя везти? – произносит он отрывисто, буквально запрещая себе коситься назад. Туда, где были видны худые острые коленки, затянутые в мелкую сетку колготок.

Не сейчас. Не сегодня. Нужно лучше продумать план.

– Значит, ты у нас всех насквозь видишь, да, детка? – насмешливо кривит губы он, заводя двигатель. – Кто же ты такая? Ясновидящая?

– Ну нет, – кажется, в этот раз ему удастся её задеть. Голос по крайней мере уязвленно звучит. – Можете меня за малолетку держать, за стервозную дуру, но не надо держать за конченую, которая верит во всю эту чушь спиритическую.

– Откуда же ты все узнаешь? Или все-таки в курсе, под чью машину бросилась?

Ему на самом деле плевать.

Если девчонку кто-то нанял – то ему придется заглотить свое поражение.

– Нет. Не в курсе, – равнодушно откликается Сапфира, – хмырь с деньгами. Какой из десяти тысяч хмырей с деньгами, обитающих в Москве – вообще плевать. Вас же как под копирку друг с дружки сводят.

– Но ты ведь как-то узнала про мои сорванные встречи.

– Телефон, – судя по тону, нахалка именно сейчас закатила глаза, – даже пока я сидела и ждала отказ, он у вас в кармане не затыкаясь вибрировал. А за все время, что вы его не берете – уже, наверное, пятый оргазм получили.

Наблюдательная, языкаястая, бесаячая...

Лишний повод высадить её у этой её дешевой общаги и выбросить из головы.

– Номер свой оставь, – останавливаясь на парковке произносит он, – если, конечно, хочешь получить компенсацию.

– Налом, что, дать не можете? – спрашивает с вызовом.

Смотрит на неё, не мигая, потом вынимает из бардачка бумажник и кидает ей на колени.

– Выгребай.

Чего угодно ожидал. Что действительно вытрясет из кошелька наличность, а там по её меркам наверняка было дохрена. Что швырнет кошельком ему в лицо, с воплем: “Я не такая”. А она. Повертела в руках, заглянула внутрь. Округлила глаза.

– Ой, какая щедрость.

Вынула же только фотку, парную, свадебную. Демонстративно разорвала пополам, вставила обратно половинку с Кристиной. Забрала ту, на которой был сам Александр.

– Спасибо, мне достаточно, – сказала так, будто он ей только что ключи от новенькой Мазератти в ладони кинул. И вышла из машины, неспешно направляясь к общаге.

На всякий случай даже проверил. Деньги остались на месте. Не тронула ни рубли, ни баксы. Глянул еще раз вслед этой долбанутой девице. Достал телефон, полюбовался на семьдесят шесть пропущенных. Угадала ведь, паршивка языкаястая. Набрал безопасника.

– Найди, кто в Москве пользуется кличкой “Сапфира”, – приказывает отрывисто, – чтобы к вечеру у меня о ней вся информация была. Даже календарь красных дней, доставай как хочешь.

Глава 2. Летучая

– Светка-а-а...

– Изыди.

– Свет, ну, Свет!

Когда ты легла спать в четыре утра, потому что редачила фотки для долбаного блога, который походу останется сейчас единственным средством заработка, чей-то восторженный писк над самым ухом в половине девятого – это почти то же самое, что звук свежевключенной дрели.

Но Ленка так настойчиво верещит, что мне приходится соскresti себя с кровати.

Ненавижу.

Ненавижу мудаков на понтовых тачках.

Ненавижу ванильных клуш, что испытывают оргазм от блеска серебряных боков крутого мерседеса.

Ненавижу...

Да весь мир я сейчас ненавижу.

Потому что в моей крови слишком мало кофеина.

– Ну и? – кисло смотрю на парковку и отчаянно мечтаю развидеть все, что я на ней сейчас наблюдаю. Я знаю этот мерс. Со вчерашнего дня познакомились. Там, кажется, даже царапина на бампере есть после того, как я с размаху хлестнула по нему сумкой.

– Ну ты что, не видишь, какой крутой?

– Кто крутой? – мрачно спрашиваю. – Мерина вижу выпендрежного. Где крутизна? Можно подумать, ты в жизни мерседесов не видела.

– Света, ты такая... Такая...

– Крутая, что у тебя эпитеты заканчиваются?

– Невыносимая, пипец! – Ленка категорично встряхивает головой.

Смотрю на неё снисходительно. Потом решаю все-таки пожалеть бедняжку. Мягко спрашиваю.

– У тебя маркер есть?

– Тебе нафига?

– Не мне. Тебе, – сую ей под нос свой гипс, – вот тебе книга жалоб и предложений. Оставляй тут свое бесценное мнение, которое, конечно, для меня очень важно.

– Врешь ты все, – пасмурно роняет Ленка, но от идеи испоганить чистый гипс своим бесценным мнением не отказывается – отходит от окна искать маркер, – ты ведь это чтобы поржать мутишь.

– Как ты можешь меня в этом подозревать? Разумеется это только для моего роста над собой как личности, – Говорю, а сама смотрю вниз, на парковку, не отрывая взгляд. Там именно в эту секунду открылась дверца “мерина” и из него на свет божий вылез его хозяин.

– Ну и чего тебе надо, дядя? – спрашиваю беззвучно у оконного стекла.

Ладно, вчера отвез, понятно, совесть мучила. А сегодня чего надо?

Всерьез, что ли, меня воспринял, когда про ментов прикалывалась. Ну... Может, конечно.

А “дядя” тем временем вынимает из машины подставку с двумя картонными стаканами, огибает мерина своего, встает аккуратно напротив моего окна и голову задирает.

Между нами четыре этажа, а меня все равно его взгляд насквозь простреливает.

Он поднимает стаканы повыше и салютует ими мне.

Привет, привет, а мы тебя не ждали. И не собирались вроде никуда.

С другой стороны, он пришел вместе с кофе. А кофе я всегда рада, он всегда прекрасен. Оставить оба стакана на расправу сбившему меня мудаку? Нет уж, обойдется!

– Поможешь мне одеться? – спрашиваю у Ленки, отворачиваясь от окна.

Самое главное, не спалиться, что это ко мне приехали.

– Давно не виделись, – приветствую я своего сегодняшнего кофейного дилера, – когда вы там в общагу меня привезли, Александр Эдуардович? В половине первого? И вот восьми часов не прошло, вы снова тут. Поставщик виагры прокатил сегодня? Ваша супруга вынуждена рыдать в подушку без вашего внимания?

Смотрит на меня так, что у меня внутри начинают радостно прыгать бесы. Они очень рады, что первосортный сарказм не пропал впустую. Этот тип снова хочет меня придушить. А в этом, между прочим, смысл моего существования. Всяких властных мудаков доводить до ручки.

– Будешь пить, – хрипло спрашивает он, покачивая в ладони картонный стакан, – или языком чесать?

– И то, и другое буду, – улыбаюсь, отжимая кофе, – впрочем, за второй стакан могу выписать вам помилование и помолчу минуты три. Пока пью.

Думала – согласится вот так вот “заткнуть мне рот”. Почему нет, если я так его бешу, что вчера он даже хватал меня за шею. Я ведь вижу, что садиста своего внутреннего он на крепкой цепи держит. Срываться себе не позволяет. Но у меня ведь талант, я уже говорила. Недаром Ленка с истинным удовольствием начертала на бинтах моего гипса “fucking bitch”. Разве может этот Александр Эдуардович упустить свою выгоду и отказаться от предложенной мною сделки?

– Обойдешься, – он произносит это сухо, мрачно и поднимает повыше стакан, чтобы я к нему даже не тянулась, – треплись сколько влезет. У тебя ведь в защечных железах явно переизбыток яда. Вот и спускай его. А то не дай бог голова взорвется.

Я смотрю на него и щурюсь. В ушах будто звенит удар в невидимый гонг. Кажется, этот тип поинтереснее, чем на первый взгляд показался.

– Так чего вы приперлись? – улыбаюсь, делая первый глоток.

Нет, определенно, у этого типа просто супер-разведка. Утренний кофе с таким количеством сиропа, что от него скулы сводит и запросто слипнется все, что только возможно. Можно было просто угадать, что я пью кофе по утрам, но вот это... Кто-то явно нашел мою любимую барристу в кофейне за три квартала отсюда. Единственная причина, почему я пользуюсь не ближайшей станцией метро, а каждое утро крюк закладываю. И нашел, и допросил. Это ж насколько он боится неприятностей?

– Отвезу тебя на учебу, – мой противник невозмутимо снимает крышку со стакана и хлебает кофе большими глотками, – можешь считать это ролевой игрой. Я – твой водитель. Куда едем, хозяйка?

За “хозяйку” – два с минусом. Совершенно не тем тоном это слово сказал. Мимо кассы. Но я вполне могу показать ему, как это делается.

– Никуда мы с вами не идем, – смягчая голос отзываюсь я, – мне сегодня на пары не надо. Так что вы свободны, господин водитель.

Я специально выделяю слово “господин” тоном, чтобы у этого типа внутри туго натянулась болевая нить. Я умею заставлять этих озабоченных подчинением чертей ощущать прилив голода.

И в его лице я тоже сейчас это вижу. Он бы хотел, чтобы я говорила это всерьез. И я бы могла. Но не буду. Мне просто нравится махать перед носом быка красной тряпкой.

Его тьма поднимается со дна. Я успеваю увидеть в глазах её неслышное колыханье. Будто старый волк заинтересованно приподнимает голову. Поднимает, нюхает воздух, прикидывает, какова же я на вкус.

И снова опускает голову на лапы. Он сыт.

– Не ври, что пар нет. Знаю, что есть.

– Что, расписание тоже разнюхали? Как инфу про кофе?– я беззаботно паркую пятую точку на капот его блестящей тачки. Зря, что ли, она такая чистая, что глядя в неё накраситься можно.

Он не отвечает, просто снисходительно дергает уголком рта. Разнюхал. Да что за хрен-то такой? С какой горы спустился? Мне было неинтересно вообще-то, но сейчас...

Если такие связи, что за ночь может узнать столько – по идее не должен бояться какого-то заявления. Или все-таки...

– Ты все еще здесь? – его бровь сдвигается на миллиметр, но это уже выглядит как офигеть какое изумление. – Должна ведь пулей нестись за вещами. Тетрадки там, помаду в универ захватить надо тебе?

– Я не поеду в универ, – качаю головой, а потом зачем-то опускаюсь до объяснений, – сегодня не еду. У меня официальная причина прогулять сегодня.

– Какая?

Пришла моя очередь самодовольно молчать и красноречиво покачивать загипсованной рукой.

В конце концов, пять лет без единого прогула. Стыд и позор быть такой ответственной.

– Ну и что? – он задумчиво вытягивает из кармана пачку сигарет, крутит её в пальцах. – Чем ты займешься, беспутная? Будешь сидеть на окне и плевать в прохожих ядом?

– Хороший вариант, – киваю я, – жаль только, что ужасно не креативный. В современном мире индивидуальные порции яда рассылаются в социальных сеточках. Пара грамотных комментариев в инсте – и бывшая фэшн-блогерша идет работать уборщицей, потому что ей не насыпали ни вкуса, ни фигуры.

– А тебе что из этого насыпали? Вкус? – он окидывает меня настолько насмешливым взглядом, что у меня инстинктивно нос задирается к небесам.

– Мне насыпали и то, и другое, и с чувством юмора не поскупились. Дядя, ты бы к окулисту ходил. С глазами у тебя беда.

– Схожу, – ухмыляется криво, склоняя голову набок, – и что? Это твои планы? Сидеть в инстаграме и уничтожать конкурентов?

О, как. То есть он уже и про бложик в инсте в курсе? Нет, хорошая у него все-таки разведка. Мне б такую – ух, я бы развернулась.

– Что, есть предложения получше? – склоняю голову набок. Интересно. Он ведь зачем-то стоит, треплется тут со мной. Мог бы уже ехать. Десятый миллион зарабатывать.

– Кто знает, – он затягивается так глубоко, что половина его сигареты мгновенно истлевает, – так, банальщина. Экскурсия по московским мостам на мерсе с открытым верхом...

Смотрю на него, смотрю, смотрю...

– Я не в твоём вкусе, – напоминаю его же слова. Как-то сами по себе изо рта вылетают.

– Ну почему же? – фыркает он. – Когда молчишь, ты вполне ничего.

– Это где ж ты меня такую видел? Во сне? – я почти в голос ржу. А он глядит на меня не мигая, таким осязаемым взглядом, что я почти ощущаю его прикосновение к своему лицу. Да боже мой! Неужели про сон это я угадала? Ничего себе. Таким вот быкам сны вообще сниться не должны. Они для этого слишком серьезны.

Он делает в мою сторону неожиданное движение. Я резко вздрагиваю, инстинктивно взмахиваю рукой, ловлю... Продолговатый узкий блестящий тюбик. Моей помады? Нет. Как моя. Один в один. Только новая.

– Я уберу крышу, – куда-то в сторону глядя говорит Козырь, – хочешь со мной – крась губы.

Время болтовни вышло – он неспешно обходит свою машину, садится на место водителя. Что-то нажимает, и блестящая на солнце крыша его мерина складывается. Я смотрю не на это, смотрю в его темные глаза, не отрывающиеся от меня ни на секунду.

Улыбаюсь. Зубами снимаю с помады колпачок.

Не отказываться же от игры так быстро!

– Как можно было так прокурить тачку, что от неё даже при убранной крыше разит как от табачного завода? – озадачиваюсь первым же делом, когда приземляюсь на черные замшевые сиденья.

– Просто любимая тачка, – скупно откликается Козырь.

Его неприступное лицо будто закрыто плотной маской. Мой противник кажется скалой, об которую разбиваются мои волны.

Я вроде вижу его насквозь, но при этом не понимаю совершенно.

Думала, это разводка, насчет экскурсии по мостам. Но первой же остановкой на нашем пути становится Крымский мост.

– Господин экскурсовод, вы не справляетесь со своими обязанностями. Где рассказ про золотой болт Сталина? Я так его ждала, так ждала!

– Хочешь, остановимся? – спрашивает он невозмутимо, будто и не заметив, что я толкнула его локтем.

– Под камерами? На мосту? – поднимаю брови. – У тебя что, лишние деньги на штраф завелись? Так чего тогда ты со мной мучаешься? Отложил бы на взятку ментам – и дело с концом.

Треплюсь, но ничем не даю понять, что на самом деле – действительно хочется. На этом мосту – потрясный вид, и я его обожаю. И если он предлагает, значит, понимает это. Потому что узнать, что я люблю торчать на этом мосту, он не мог, даже у его службы разведки вряд ли есть приборчики для угадывания мыслей.

И правда понимает. И в согласии моем не нуждается. Без лишних слов он съезжает на крайнюю полосу, к самым перилам тротуара.

Ладно, это его дело, это его сейчас матом обложат!

Плоха та инстаграмщица, которая упустит возможность сделать выгодное селфи на фоне солнечного неба. Я даже дверь не открываю, так через верх и выпрыгиваю из машины. Перила с одной рукой преодолеть уже сложнее, но я справляюсь. А потом и вовсе забираюсь на перила, которые отделяют край моста от реки под ним.

Я люблю высоту. Люблю смотреть вниз и ощущать вкус разворачивающегося подо мной пространства. Подумать только, всего одно движение вперед и...

Крепкая рука обвивает мою талию прежде, чем я успеваю распробовать свое деликатесное блюдо.

Ну что за упырь, весь кайф обломал!

С другой стороны, он ведь не втаскивает меня обратно, да?

Когда я встаю пятками на самую бетонную кромку – слышу яростный вдох. Чувствую, как к удерживающей меня от падения руке прибавляется вторая. Собственно – только на них я и держусь, иначе невозможно, когда под твоими ногами всего пятнадцать сантиметров опоры. Даже стопа до конца не умещается.

И все же, если закрыть глаза... Развести в стороны руки... Тьфу-ты, руку, никак не привыкну к бездействию правой руки. Ну и ладно, одной хватит.

Чувствую, будто ветер, бьющий в лицо, рвет меня на куски. Пытается растерзать и унести к черту, и только две мужские руки этому и препятствуют.

Ничего больше нет, только я и он. Ветер в мое лицо и горячее дыхание, от которого по моей спине бегут мурашки. Кристальный миг безудержной истины.

Хотя, конечно, и его на самом деле нет. Ему просто скучно. Вот и ищет действенное лекарство от своей смертельной тоски. Я в этом плане концентрат безумия. Но и ко мне у таких как он всегда происходит привыкание. Все что и нужно – только немного подождать.

– Эй, не держи меня, – смеюсь, запрокидывая голову, – отпусти, и не станет в этом мире свидетеля твоего паршивого вожделения.

Конечно – не отпустит. Под камерами – не отпустит.

– Ты еще не налеталась? – хрипло выдыхает он, и горячее его дыхание пробегается по моей шее.

Раздумываю минутку, снова смотрю вниз, специально, чтобы от адреналина и подвижной воды голова закружилась.

Потом цепляюсь свободной рукой за перила.

– Налеталась. Тащи меня обратно, – разрешаю я.

Уже не терпится посмотреть, насколько охреневшие у него глаза. Сомневаюсь, что хоть где-нибудь он видел такую же дурную бабу!

Удивительно, но он не бежит за каким-нибудь попом, чтобы тот немедленно изгнал из меня демонов. И в дурдом меня отвозить не спешит.

А вот катать продолжает. Будто у него цель – до пустого бака не выпускать меня из машины.

Привозит меня к общежитию, когда Москву накрывает ночью. Не тьмой, естественно, Москва не умеет быть темной, лишь только ночным покрывалом туманного неба прикрывается.

Я смотрю на Козыря и перебираю в уме разноцветные шарики сегодняшних воспоминаний.

Как пили кофе на тридцати восьми мостах, смотрели друг на друга и со вкусом молчали.

Как он заставил шеф-повара супер-крутого французского ресторана готовить мне шаурму. Потому что ни на что другое я не соглашалась, конечно.

Как грел мои руки в своих ладонях, когда заметил, что я начинаю мерзнуть. А потом и вовсе вытащил из багажника своей тачки огромную кожаную куртку и набросил её на мои плечи. Если бы меня попросили как-то емко описать эту куртку, я бы сказала, что меня в неё можно целиком упаковать. Если только я свернусь клубочком.

Эта куртка все еще на моих плечах. От неё пахнет куревом и концентрированным баблом. Будто кто-то взял тысячу баксов в прозрачном пузырьке и пропитал этим эликсиром подкладку.

Нет, ну ошизеть же. Ошизеть.

Этот тип со мной весь день провел. И сейчас сидит и молча смотрит. Будто ему приказали следить за мной круглые сутки, но забыли предупредить, что наблюдение должно быть незаметным.

– Эй, – я толкаю его локтем чуть выше плеча, – сколько денег ты из-за меня сегодня не заработал? Тыщ двести, поди?

– Не знаю, – он равнодушно пожимает плечами, – может, и больше.

– Ужас, – трагично вздыхаю и прижимаю руки к груди, – позволь принести соболезнования по поводу твоей великой утраты.

– Не позволяю, – насмешливо откликается он, разворачиваясь ко мне в поворот. Мы стоим вдали от фонарей, и его лицо я сейчас очень неважно вижу.

– Возмутительно, – я округляю глаза, нацепляя на лицо возмущенное выражение, – почему это ты не разрешаешь мне проявлять человеческое сочувствие? Деньги безвозвратно потеряны. И я не могу их оплакать?

– Кто сказал, что потеряны они безвозвратно? – он криво ухмыляется. – Заработаю завтра. Не убегут никуда.

– Так уж не убегут?

Он не отвечает, просто уголок рта его слегка подрагивает. Он даже не сомневается.

Эх. Интересный мужик. Даже к жене отпускать жалко. Но... У меня ведь принцип – на чужих и одноразовых время не тратить. Этот – чужой.

Покатал – спасибо, конечно. Увлекательный вышел день.

Выбираюсь из машины излюбленным своим способом – через верх, не открывая двери. Расстегиваю куртку. Небрежным движением, которое я не один раз репетировала для участия в показах, сбрасываю её на автомобильную дверцу.

– Спасибо, Александр Эдуардович, – величественно киваю я, —мосты были прекрасны, да и вы периодически очень даже ничего. Время уделить внимание законной супруге. А меня ждет мой самый верный поклонник. Мой диплом.

– Завтра в половине девятого буду ждать, – коротко произносит он, и под громкий визг оказавшихся не готовых к резкому старту тормозных колодок его тачка скрывается из поля моего зрения.

Завтра? Снова приедет? Вот ведь настырный тип! Никак не понимает моих намеков.

Глава 3. Цепляющая

Странное чувство...

Алекс и раньше его испытывал, когда заходил в собственный дом. Какую-то концентрированную неприязнь испытывал, глядя на темный паркет, на хрустальные подвески многочисленных люстр, на ковры эти, которые везли из Милана и Индии – у Кристины был совершенный бзик на этих чертовых коврах...

Нет, претензий к её вкусу он никогда не имел. Он у Кристины имелся. Она прекрасно знала разницу между истинной роскошью и вульгарной помпезностью, и предпочитала первую, разумеется. Только выверенность не спасала дорожные интерьеры дома Александра Козыря.

От них все равно на душе было странное ощущение... Что он не дома.

Оно и раньше было.

Сегодня чувствуется острее.

Когда он делает первый шаг – из соседнего коридора вальяжно выступает пожилой уже доберман Дервиш. Когда-то был сущим дьяволом на вид, грудь в грудь выходил на кабанов и волков, но сейчас, пятнадцать лет спустя, ослепший на один глаз и слегка прихрамывающий Дервиш приобрел некую благодность в выражении морды.

Псина – единственное существо в этом доме, которому позволено встречать хозяина в поздний час. Персонал уже давно усвоил правило, что чем незаметней и тише протекает их работа – тем выше премиальные.

Кристина...

Кристина спустя двадцать шесть лет семейной жизни все-таки усвоила, что если муж захочет уделить ей внимание – он для этого и сам её найдет.

Как жаль, все-таки чтобы в нужной степени ощутить ценность данной ей свободы, жене потребовалось столько времени.

Он идет по дому не включая света. Вмонтированные в стены тускло-светящиеся по вечерам блоки позволяют не видеть лоска и китча, позволяют не перегружать им разум.

Тишина и полумрак приятно обволакивают, успокаивают.

Он идет по своему дому и настраивается на рабочий ритм. В голове начинают уверенней выстраиваться задачи, отложенные с самого утра.

Нужно позвонить тверскому прокурору и узнать о состоянии дел со спорным участком земли.

...Связаться с главой службы безопасности и запросить у него информацию о родителях девчонки. Многие живут в университетских общагах. Но не многие так безразлично относятся к собственной жизни, будто она и не стоит ничего.

...Созвониться с Дягилевым и узнать у него дату следующей его понтовой вечеринки. Сам Козырь не тяготел к таким гламурным мероприятиям, но Сапфира может и оценить.

...Собрание совета директоров назначено завтра на десять. Нужно написать, чтобы перенесли на одиннадцать. Отменять его нельзя, но в конце концов – нужно сдержать слово. Обещал ведь возить в универ, пока ей гипс не снимут. Ну и что, что только себе обещал?

Забавно. Забавно, что собираясь думать о работе, почему-то раз за разом его мысли скатываются к бесконечно выделяющейся, языкастой девчонке. Так похожей на птицу, по идиотскому стечению обстоятельств родившуюся в теле человека.

Он останавливается, поняв, что вожаденную им тишину, коей ждал рассудок все одиннадцать часов в компании Сапфиры, даже сейчас, даже в его доме, его крепости, куда он возвращается за спокойствием, нельзя назвать совершенной. Его слуха касаются мягкие фортепианные ноты. Ненавязчивые, едва слышные, но все-таки ценящий абсолютное отсутствие шума человек не имел шансов их не услышать.

Играть в это время...

Нет, Кристина бы не стала.

Она уже давно усвоила правила, по которым тикает их семья. В этот час она не станет нарываться на ссору и нарушать его покой.

Что ж, у него в семье был еще один человек, который знал, что прикасаться к бело-черным клавишам в девятом часу вечера – все равно что дергать за натянутые туго оголенные нервы главы семьи.

Впрочем, даже это знание Эда никогда не останавливало.

Даже больше того, он регулярно устраивал такие вот вещи. Подергать отца за усы у него давно вошло в дурную привычку.

Наследничек...

...Прекрасно знает, что делает.

По выбору мелодии всегда можно судить, насколько у Эда паскудное настроение. Если он играет что-то тяжелое, резкое – значит, пришел выяснять отношения и совершенно не в духе. А когда, как сейчас, мелодия мягкая, касается раздраженных барабанных перепонек нежно, с трепетом – значит, младший Козырь просто приглашает отца к разговору.

Паршивец.

Ведь наверняка приехал еще пару часов назад, но уже успел договориться со службой охраны улицы, чтоб его предупредили, как только машина Козыря-старшего проедет пропускной пункт. А ведь в доверенный список сын включен не был. Не просто так, на самом деле – убирая имя Эда из этого списка Алексу было интересно, как наследничек пробьется через эту стену. Если уж щенок в шестнадцать лет умудрялся быть в курсе всех отцовских встреч, список которых вообще-то являлся коммерческой тайной, за разглашение которой была уволена не одна секретарша – то чего от него ожидать сейчас?

– Что это? – останавливаясь в дверях оккупированной Эдом залы Алекс не ожидает, пока закончится мелодия.

У него было время полюбоваться на первые шаги наследника на музыкальном поприще, да и восторгов, посвященных этому таланту, Алекс уже хлебнул достаточно, чтобы понимать – талант действительно есть. Не зря ведь Кристина до сих пор таит обиду, что Эда отправили в Гарвард учиться языкам и управлению финансами, отстранив его от музыки. Такие долгие обиды требуют обоснования.

Как будто Эдичку вообще можно было отстранить хоть от чего, чем он хотел бы заниматься.

Вот и сейчас – уже услышал поскуливания Дервиша. И шаги отца – тоже. Но при этом – не ведет и ухом, не останавливается, а продолжает играть. Даже на вопрос отвечает, только выдержав паузу. Будто требует уважения к вибрациям тонких струн, вздрагивающих в недрах музыкального инструмента.

Эд рисуется, конечно. Он умеет играть красиво, ловкие пальцы его – предмет многих разговоров у близких друзей его матери, и сейчас для отца он устраивает еще один персональный концерт. И играет – с максимальным отыгрышем, погружением в музыку, как известный музыкант.

– Rivers flows in you, – мягко озвучивает Эд, не поворачиваясь и кажется – начиная мелодию с самого начала, – нравится? В Токио её автора обожают. Знал бы ты, как он хорош под купажом скрипок...

Река течет в тебе, значит... Ну что ж, спасибо, сынок, метафора приятная.

– Это все полезное, что ты привез из Токио? – насмешливо уточняет Алекс, останавливаясь у фортепиано и опираясь на него локтем.

Эд отвечает далеко не сразу. Он доигрывает композицию до своего логического конца, и только после этого соизволяет наконец сделать вид, что разговор с отцом действительно имеет

для него значение. Разворачивается от клавиш к Алексу ровно на половину оборота тела. По-прежнему поглаживая белые и черные клавиши фортепиано, то ли как тело любимой своей фаворитки, то ли как рукоятку верного револьвера.

Если знать о предельной нетерпимости старшего Козыря к любым звукам, выводящим его из рабочего состояния – то скорее все-таки второй вариант.

– Ты бы знал, что я привез, если бы соизволил сегодня заехать на фабрику, – медленно и с откровенной вальяжностью цедит Эд. Стоило назначить щенка на приличную должность – и вот уже здравствуйте, ему хватает наглости, чтобы щерить зубы на жожака стаи.

Впрочем, он и раньше щерил.

Потому и получил должность, что никогда не пасовал перед авторитетами. Всегда действовал в своих интересах. Видел картину целиком и на несколько шагов вперед. Был гибок, но ни в коем случае не прогибался. Это Алекс проверял уже не раз, и имел не один далеко идущий план по испытанию и укреплению этого качества наследника.

– Если бы я хотел ездить на работу каждый день, я бы по-прежнему оставался простым бухгалтером, каковым был до твоего рождения, – насмешливо откликается глава семьи, с откровенным скепсисом разглядывая сына, – да и потом, если в финансовых и юридических директорах настолько мало проку, что их нельзя оставить на несколько дней без присмотра – то зачем вообще мне платить им зарплату?

Выпад, конечно, был очень адресным. Финансовым директором числился именно Эд, а юридическим – давний его друг, та еще паскуда, на самом деле, но с редчайшим талантом.

Разумеется, наследник и бровью не повел. То есть, конечно, очередной наезд на свою бесценную персону запомнил, зафиксировал, поставил галочку “припомнить, когда дело дойдет до стакана к смертному одру”. Но улыбнулся при этом абсолютно безмятежно.

– Контракт подписан. Кисимура – наш. Чей череп тебе принести следующим, отче?

Наследник кривляется, конечно.

Что-то в нем не перебесилось с подросткового периода, по крайней мере, когда они оставались наедине, Эд всегда превращался в такого рубаху-парня, даром что мать его уже пару раз заикалась, что пора бы ему остепениться. А уж кто-кто, а Кристина никогда в жизни не признала бы, что её сын – взрослый молодой мужчина. Назвать её старшей сестрой вот этого вот наглого “дяди” был верный способ подкатить.

– Кстати, ты забыл, что обещал мне за успешную сделку? – ехидство в тоне Эда отчетливо поднимает голову.

– Что-то не припоминаю, – мрачно откликается Алекс, хотя предмет пари он помнит весьма отчетливо. Просто принимать его не хочется. Кисимура, старый хрыч, не мог отшить Эда как отшивал всех переговорщиков до него?

– Семейный ужин, — Эд и сам понимает, насколько паскудную свинью он подложил отцу. И потому сияет, как будто переоблученный радиацией. – Когда мне сказали, что ты едешь, я велел накрыть к ужину. Мама уже ждет.

Вот это и было хреново. Что Кристина чего-то ждет!

Кристина и вправду уже ждет.

Как всегда, готовая настолько, будто прямо сейчас на их дом может рухнуть метеорит, и она готова умереть роскошно. Платье подобрала роскошное, какого-то мягкого розового оттенка.

Сидит в хорошо отрепетированной позе за накрытым столом и улыбается так блаженно, будто ждать своих мужчин к ужину – любимейшее её занятие.

Нет, конечно же.

Только привычку выводить людей на чистую воду Алекс выключил гораздо раньше, когда перешагнул за порог.

В конце концов, на то и существует понятие «дом», что тут можно позволять себе ту маску, за которой тебе наиболее комфортно. Ну, или хотя бы ту, в которой тебе комфортно больше, чем во всех остальных, что ты примерял за день. Некоторые вещи домой лучше все-таки не носить.

– Извини, что заставили тебя ждать, дорогая, – спокойно произносит Алекс, занимая свое место во главе стола, – добрый вечер.

– Добрый вечер, дорогой, – Кристина приветливо изгибает губы. Блестящая пианистка, недурная актриса. Каждый семейный ужин для неё все равно что сольное выступление на очень частном и дорогом концерте.

И выступление удачное, нужно сказать. Она делает все, чтобы глядя на нее Алекс не сожалел о сделанном когда-то выборе. Пусть их отношения и были больше сделкой.

– Выглядишь потрясающе! – Эд целует матери руку, есть у них такое правило, и Кристина никогда им не пренебрегает.

– Спасибо, милый, – тон у Кристины теплеет. Из двух Козырей она все-таки предпочитает сына. Даже больше – в свое время именно она катастрофически Эда избаловала. Если бы к этой его избалованности не прилагалось умение доставать желаемое любой ценой – это было бы фатально.

Они неторопливо приступают к ужину. Только по натянутой улыбке Крис выясняется, что она чего-то от Алекса ждет.

Интересно. Что у нас сегодня? Новое платье? Впрочем, Крис никогда не повторяется в нарядах, вряд ли!

– Губы выглядят лучше, – сухо вато произносит Алекс. Видит, как удовлетворенно держится уголок рта у Кристины, ставит себе внутренний зачет – верно увидел. Ну и хорошо. По крайней мере, скорбная Кристина – та еще испытание. Кристина, которая снова посещала пластического хирурга и не получила должной оценки его усилий – это истинная драма. Шекспир таких не ведал.

Конечно же, назвать это семейным ужином сложно. Алекс говорит с Эдом, Эд говорит с Кристиной. Между собой они только взглядами и обмениваются. Изредка.

Да о чем тут разговаривать?

Они тысячу лет назад сошлись на том, что будут играть роль привыкших друг другу супругов. Даже если он – будет два раза в неделю посещать самые злые притоны, а она – заведет себе двенадцатого молодого любовника. Ну, конечно же, он вел счет. Кристина, кстати, тоже вела!

– Скажи мне, что на твоей голове, сынок?

На морде наследника расплывается удовлетворенная улыбка. Недаром столько времени не стригся, отрастил лохмы, что в какой-то момент их можно было собрать на затылке хвостик. И вот теперь ясно, для чего он так берег свою шевелюру. Чтобы в один прекрасный момент снести все с висков и зализать все верхние волосы к затылку, как петушинный хохолок. Да еще и каким-то образом этому всему великолепию дополнительный объем придать.

– Ни черта ты не понимаешь, батюшка, – снисходительно роняет Эд, с пакостной едва заметной ухмылочкой, – это андеркат. Последний писк, между прочим. Всякому приличному человеку полезно создать какой-то имидж. А ты хоть раз заходил к парикмахеру? Или так и стрижешься машинкой, под три миллиметра, когда волосы до семи отрастать смеют?

Алекс смотрит на Эда в упор, на наглую морду сына. Он такой довольный, что кажется – только ради вот этого момента и болванился согласно этому вот «последнему пisku» придурочной их моды. Ждал, пока заметит. Сто процентов ждал, паршивец. Специально натворил вот эту хтось, потому что рассчитывал добиться от отца эмоциональной реакции.

Иногда Алекс думал, что ремня в жизни его единственного сына было мало.

Потом вспоминал собственное детство. Якобы благополучное, так гармонично выглядящее со стороны. Тихую забитую мать, не смеющую сказать ни слова против папаши прокурора. И конечно, вишенка на торте сладких детских воспоминаний – сам отец семейства, который решал проблемы воспитания по любому поводу только одним средством – кулаками, тяжелыми, как будто их из чугуна отлили. И самая горькая часть всего этого – Леха. Алекс-младший. Тот самый, кого так боялся оставлять одного, без защиты. И ведь пришлось. Иногда казалось, что папаша нарочно не стал отмазывать старшего своего сына от армии, потому что до последнего считал, что отбивающийся у него младшего Алекс делает из Лехи тряпку.

До Алексова дембеля Леха не дожил полтора месяца. Пробил отцовской тачкой хлипкий заборчик на мосту, предварительно приковав себя к рулю. На вскрытии нашли три свежесломанных ребра. Отец замаял, конечно. Травмы признали полученными после смерти. Но Алекс все прекрасно понимал.

И потому позволял себе коснуться ремня только вне дома. Только на той территории, в которой его жертва была согласна принять его тьму.

А ведь когда-то, когда эта тьма шевельнулась в первый раз, когда Алекс в первый раз ощутил практически нестерпимое желание ударить невыносимо орущего младенца – он почти сразу подал на развод. Потому что как ни крути, а быть таким, как его отец, не собирался совершенно.

Развода не произошло. Когда внезапно и очень серьезно заболел Эд, тот самый мелкий, вопящий карапуз, нянь не пускали на порог. Кристина и Алекс по очереди дежурили у его постели, и в свои смены, глядя на слабого, бессильного и такого тихого сына у Алекса бесильно сжимались кулаки.

Первый раз в жизни хотелось позвонить папаше и попросить его достать из шкафа ремень. Тот самый, тяжелый, с армейской тяжелой пряжкой. И чтобы он на ребрах Алексу освежил прописные истины. Напомнил про необходимость для мужчины нести ответственность за тех, кто от тебя зависит.

Особенно за маленькое беспомощное продолжение свое, которое и защитить-то больше некому, кроме его долбанутого отца. И защитить, и воспитать, и научить правильным вещам. Тем, что и сам усвоил слишком поздно.

Конечно, наследничек еще не раз болел. Он не был ребенком, которого боялись микробы, но тот первый, самый стремный, тяжелый раз, когда болезнь растянулась на долгий месяц...

Чего только не случилось за этот месяц. И перемирие с Кристиной было заключено. И условия их союза оговорены.

Главное – играть роли при сыне. Быть для него в меру счастливой парой родителей. Что происходит вне стен семейного гнезда – будет оставаться там. За стенами.

Условия эти до сей поры не нарушались. Хотя периодически у Крис прорывалось.

В эти вечера было много криков, звона в голове и осколков битой посуды. Крис не умела держать бурю в себе. После этих дней он обычно уезжал из дома на несколько ночей и возвращался, только когда на руках мозоли от плети оставались.

– Алекс, – Кристина покашливает и только в этом покашливании и слышится её укор. Судя по всему, она уже не в первый раз его окликает.

Он приподнимает взгляд, смотрит на жену выжидающе. Без лишних вопросов. Не хочется лишний раз заставлять воздух вибрировать. Зовет – значит, есть повод.

– Завтра вечером у моей подруги выставка.

Кристина говорит коротко. Просто знает, что он понимает, о чем речь. Если есть выставка, значит, Кристине нужен «плюс один». Муж нужен. Когда они появляются вместе, для Крис и её подруг звучат более выгодные предложения, на их персоны повышается спрос.

Он не любит всех этих пафосных сборищ, но понимает коммерческую необходимость.

– Во сколько?

– В семь.

– Я распоряжусь, чтобы это время для меня освободили от встреч.

Кристина кивает, с хорошо отрепетированной благодарной улыбкой на губах, и возвращается к очень вдумчивому расчленению крохотного пирожного на её тарелке.

Переговоры окончены. Все стороны остались довольны их исходом.

Когда ужин происходит в тишине – это на самом деле удовольствие. Истинный десерт, без единой лишней калории. В такой ситуации Алекс даже почти забывает, что семейные ужины совершенно не любит. Никак не познает их прелести. Но в тишине... В тишине он к этому очень близок.

– Ты сегодня явно не с нами, папа, – произносит Эд, когда Кристина как всегда раньше всех заканчивает с употреблением пищи и оставляет мужчин одних. Конечно, нарочно. Такие вещи тоже оговаривались в свое время. И за семейным ужином должно быть время для урегулирования деловых вопросов.

– Она так хороша? – насаждает Эд нетерпеливо, даже вилку в руках начинает крутить.

– Кто? – Алекс приподнимает вопросительно бровь.

– Та, с которой ты оттягивался сегодня, – Эд говорит насмешливо, как говорит всякий молодой хлыщ его возраста, который уже списал родителей на свалку истории, но так и быть, готов признать, что у них есть какая-то личная их стариковская жизнь.

Рука Алекса замирает где-то на полете ко рту. Он припоминает Свету.

Это костлявое, ехидное недоразумение, с отсутствующими инстинктами самосохранения. Да, он с ней феерически оттянулся, конечно. Особенно на мосту, когда держал и думал – сиганет или не сиганет.

– Да брось, – между тем Эд трактует его паузу как нежелание говорить по-своему, – я знаю, что у вас с мамой не все ровно. Знаю, что ты в курсе про её любовника. И про твоё "хобби" знаю.

Алексу хочется усмехнуться и ответить чем-то вроде: «Я тоже про твоё знаю». Но он так же знает, как непросто принимается эта сторона личности. И не собирался что-то запрещать Эду. Даже отчасти рад, что Тема нашла его чуть раньше. Может, и он будет несколько другим. Переживет меньше ломки перед принятием.

– Так что, она так хороша? – все с тем же неунимающимся интересом насаждает Эд. – Ты никогда не отменял все встречи ради простой женщины.

– Она... – задумчиво проговаривает Алекс, подбирая Свете достойное описание, – похожа на язык огня. По крайней мере, глаза от неё оторвать сложно.

– Ничего себе, – Эд присвистывает, – такая поэзия и из твоих уст... Видимо, действительно что-то особенное.

– Просто девчонка, – Алекс поднимается из-за стола, захватывая с десертной тарелки пончик, – я ей руку сломал. Задел на машине. Хотя экземпляр любопытный.

Эд задумчиво обрабатывает мысль, потом интерес на его лице выцветает. Он бы поди и хотел, чтобы отец отвлекся на патию. Сколько сомнительных и рискованных планов он бы провернул в отсутствие Алекса. Сколько бы позже выгреб звездюлей и никем кроме него не ожидаемой прибыли. Но раз уж отец говорит «просто девчонка» – значит, ничего интересного.

Почему-то этот вывод сына Алексу доставляет большое удовлетворение.

Глава 4. Несносная

– Королева моя, я принес тебе радостные известия.

Без особого трепета я зеваю в трубку. Так громко, чтобы гребаный Гошик услышал.

Потому что нельзя, мать твою, поднимать меня в шесть утра. В шесть! Да какая сволочь в это время просыпается? Хотя... Зная Гошика, он наверняка даже не думает ложиться. У этого тусовщика поди и утро вчера в семь вечера только началось. Эх. Хорошо быть московским мажорчиком и не выпускать из зубов золотой ложки. У него папочка известный журналист. У самого Гошеньки – очное отделение и свободный график посещения. Потому что его папочку каждый препод у нас знает. А бедной провинциальной Светочке приходится самой прогрызать себе путь к солнцу. И ходить на лекции. И спать по ноча-а-ам.

Пожалела себя пять секундочек, покосилась на пустую кровать моей соседки – Ленка где-то явно ночует сегодня.

– Ну и какого черты ты молчишь, Георгинчик? – вздыхаю томно. Под полуприкрытыми веками белый туман начинает собираться вт что-то продолговатой формы. Высокое такое. С манящим облаком молочной пены сверху...

– Я жду, пока ты наконец совесть поимеешь, – Гоша с той стороны трубки уязвлен и почти оскорблен. Бог ты мой, да неужто он, наконец, мне что-то стоящее принес, а?

– Совесть я в этом месяце не заказывала, – вздыхаю сочувственно, – но если ты наконец скажешь, на кой поднял меня в такую рань, я тебя послушаю. А если новости действительно хорошие – даже похвалю.

– Похвалишь? Ты? – в голосе любимого моего стервеца-приятеля звучит глубокий скепсис. Он хорошо меня знает.

– Георгинчик, не томи. А то я потеряю остатки терпения и прокляну тебя прямо сейчас. Ты после этого не выживешь.

– Как только ты узнаешь, кого я вчера уболтал посмотреть твою статью про сезонные оттенки этого года, ты воскресишь меня обратно.

– Если это не Ева Моро, то зря ты надеешься на то, что я буду тратить силы на твою гнусную шкуру, Звягинцев!

– Ну, Света-а! – Георгинчик с той стороны трубки воет, как будто я ему в грудь нож вонзила. – Вот как ты, черт возьми, это делаешь? Ты опять мне сюрприз изгадила!

Ы-ы! Кому-то боженька подарил красоту великую, а мне – интуиции насыпал. У Гоши горе великое, а я – резко сажусь в кровати.

– Гонишь!

Сон практически мгновенно получает уведомление о немедленной депортации из моего организма.

Ева Моро! Это та, чье меткое слово может поставить жирную точку в карьере даже именитого дизайнера. Редактор «Estilo» – журнала, для которого мечтает писать каждая модная цыпочка, живущая в столице, с пропиской или без неё. А уж я – я хочу за них за всех сразу!

– Да вот еще, буду я гнать! – оскорблено бухтит Гошик. – Она даже согласна принять от тебя триста слов на рассмотрение. Не облажаешься – пойдешь в штат её журнала. И я пойду. Твоим куратором.

– У тебя морда треснет быть моим куратором.

Говорю, а у самой под веками полыхают яркие радуги. Новость-то и вправду зашибенная!

– Ягодка моя, ты не поверишь, насколько у меня эластичная морда, – снисходительно откликается Звягинцев, – но с моим-то местом все уже решено, меня батюшка к ней на место младшего ассистента устроил, а вот ты, Светик, изволь напярчь булочки. Зря, что ли, я впрягся за тебя?

– Погоди, погоди, а тема какая?

– Тема самая что ни на есть свободная, – усмехается Георгинчик, – твоя задача – сделать так, чтобы Моро твою статью до конца дочитала. А уж о чем она будет – твое дело. Ну, все, чао. К концу недели жду статью.

Свободная тема! Нельзя говорить мне такие вещи.

В голове у меня, разумеется, блаженная пустота. Выбрать из всего мира что-то одно... Нереально. Не в шесть утра, да еще и до первой чашки кофе... Я совершенно отказываюсь принимать судьбоносные решения, которые мне всю жизнь сейчас определяют.

А вот потянуться и улечься на пузо, уткнувшись в телефончик – святое дело. Поспать бы, но адреналин от новости про Моро трясет меня адреналиновой лихорадкой.

Так что спать не будем, зато залезем в Вотсап, полюбуемся на вчерашнее: “Приятных снов, Летучая”, прилетевшее с неизвестного номера, через два часа после того, как он меня оставил.

Летучая...

Я будто снова стою на краю моста, и мои волосы пытаются течь по ветру, пока я в глаза смотрю бескрайнему речному богу.

– Ты налеталась? – почти слышу сиплый шепот.

По коже колким стадом проносятся мурашки. Ух!

Все-таки он прав. Я слишком давно стою на своих ногах. Безумную вечность держусь за плетель и не разжимаю пальцев на ее ручке. Мой внутренний дракон исправно питается, по расписанию. Но вот рабыню свою я бесконечно долго не выпускала на свет.

Уж слишком разборчивая, да. Так-то властных Господ – как псин нерезанных развелось, только пальцем ткни. Все они любят рычать, все они с удовольствием дадут мне желаемое. Но увы, не все мной желаемое! А я не согласна размениваться на что-то меньшее.

“Сегодня хочу капучино, – мои пальцы отстукивают сообщение быстро, – со льдом. И три пшика мятного сиропа”.

Думала – спит.

Или занят. Или жену наконец удовлетворяет. Должно же ей хоть иногда доставаться, да?

Ответ прилетает практически мгновенно.

“За это тебе придется надеть юбку”.

Ну ничего себе, у кого-то заявочки!

“С чего ты взял, что они у меня есть?”

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Падают мне в месенджер мои же фоточки из инсты. Быстро! Получается, он не только их пересмотрел, но и сохранил себе те, что зашли побольше? И ведь все как на подбор юбки с его фоток – одна короче другой.

“Наденешь красную юбку – так и быть, получишь и мой стакан с кофе”.

Красная юбка с его фоток – вообще короче всех в моем гардеробе. Это юбка “не смей наклоняться, да и ходить лучше не надо”.

“Заметано”.

“Буду у тебя в то же время, что и вчера”.

Я тихонько хихикаю и переворачиваюсь с боку на бок, выгибаюсь на простыне как кошка.

Боже, какой смешной. Да с чего он взял, что у девицы, что выкладывает по два-три аут-фита на каждый день, всего одна красная юбка? Надо было уточнять, что его интересует та, что с фото. А то я непонятливая. Потому и выбираю длинную юбку до самых пяток. Критично перебираю блузку, и... Зачем-то выбираю черную, с вырезами на плечах. Собираю это все в образ, придиричиво верчусь перед зеркалом.

На что только не идут люди ради лишнего стакана кофе!

Выхожу к нему – как до того выходила только на подиум. Гипс несу так, будто изящнее аксессуара и придумать невозможно. Широкий алый подол элегантен до крайности. Кто скажет, что я в эту секунду упиваюсь собственной офигенностью, тот... Ошибется.

На самом деле я изучаю Козыря. Оцениваю, насколько вообще он достоин стоять рядом с восхитительной мной. Что ж... Морда – кирпичом, затылок стриженный под машинку, небритость уровня «про бритву не слышал, но все что отрастает – отрубаю топором». На бычьих плечах внатяг сидит черная кожаная куртка. Под ней – абсолютно без фантазии, черная рубашка. Сойдет за телохранителя, если не рассказывать никому, что он за мной еще и ухлестывает. Разве что... Один изъяз портит эту картину.

– Кто тебе этот жуткий галстук подкинул? Твои злейшие враги?

Гляжу на жуткое недоразумение в дурацкую полоску, которое портит всю картину «роскошный мафиози на выезде».

– Жена, – отзывается он. Так мрачно, будто я сама на эту откровенность напросилась.

Ах, жена-а! Ну, тогда точно – никакой пощады.

Его лицо каменеет, когда я тянусь к нему и сжимаю пальцы здоровой руки на галстук. Что думает мужчина – ума не приложу, но когда я начинаю возиться с узлом его удавки – в глазах явно отражается разочарование.

– Как ты там вчера говорил? – улыбаюсь насмешливо. – Хочешь ехать со мной – крась губы? Так вот сегодня мой черед. Хочешь, чтобы я накрасила губы – долой эту безвкусную дрянь. Она тебя портит.

Думала, будет возбуждать. Думала, поймает за руку и потребует прекратить. Он же – смотрит и смотрит на меня, пока я демонстрирую чудеса ловкости рук. Развязать галстучный узел одной рукой не просто даже мне, но я справляюсь. И демонстративно швыряю бессмысленно потраченный кусок ткани в ближайшую урну. Отслеживаю траекторию его полета взглядом.

И-и-и, трехочковый!

Думала – хоть этим возмутится. Как же! Это ведь подарок жены! Каким бы ни был мужик доминантом по жизни, но подарки жен и обручальные кольца берегутся как зеница ока. Такие уж порядки. Даже любовницам редко позволяют их касаться. Не то что капризным девицам вроде меня, которые ведут себя как им вздумается.

– Крась губы, Летучая, – невозмутимо роняет Козырь над моим ухом. И бровью не повел. Да что такое! Еще и выглядит так, будто я попала в его ловушку. Я! В его!

– Сначала кофе, – я тянусь к стаканам, оставленным на крыше его тачки – еще не убранной сегодня.

Настал черед Козыря демонстрировать чудеса ловкости. Он выдергивает стакан с кофе аж у меня из-под ладони.

– Эй! – я возмущенно подбочениваюсь. – Мы договаривались. Красная юбка в обмен на твой стакан кофе.

– Ага, – Козырь кивает, снимая со стакана крышку, – договаривались. Только это не та юбка, что я просил.

Ну, наконец-то! А я уж думала, и это сожрет.

– Ты просил красную? Я надела красную. Надо было четче проговаривать условия, – скажешь весело. Боже, как я ждала этот момент. Предвкушала его. Тянусь к его стакану. – Гони мой кофе сюда.

Козырь залпом практически опустошает стакан в своей руке и протягивает его мне – кофе осталось на полглотка.

У меня нет слов.

– Ну что ты, бери, – мой противник щерит зубы, возвращая мне мой гиений оскал, – ты же не оговаривала, что стакан должен быть целым.

Наши с ним убийственные взгляды скрещиваются.

Кажется, кто-то решил объявить мне войну! Один вопрос – у него на это крови хватит?

Народная примета – чем пухлее губы у рублевской жены, тем больше палева у неё на личной странице. Даже если это закрытый профиль, даже если пускают туда только равных по положению или хотя бы по престижу.

Губы у Кристины Козырь... Очень пухлые. Такие, что даже надувать их нет никакой необходимости. А еще у неё точеный носик и выразительные ровные скулы. Роскошная грива выблонженных волос. Это не ее цвет, чувствуется по цвету кожи, но даже пролистав её фотки за полгода, я не нашла ни единого фото, где было бы видно её отросшие корни.

Роскошная женщина. Без единого изъяна. Самое то для состоятельного мужа. Который в общем-то и сам очень даже. Если бы он меня интересовал, конечно. Но в крови моей кипит исключительно азарт. Я хочу только мести за его выходку с кофе. Безумной, кровавой, на которую только я и способна.

Последнее фото в профиле Кристины Козырь – это фотка из примерочной какого-то претенциозного бутика. Я бы могла его опознать, все-таки многие люксовые магазинчики если не заказывали у меня рекламу их шмотья, то как минимум претендовали на неё. Суть не в этом. Суть в приписке “выбираю платье для вечера с любимым”.

Даже если они с мужем друг друга ненавидят – все равно для всего мира она будет называть его своей половинкой, любимым и тысячей других ванильных слов.

– Кажется, ты нездорова сегодня, – на третьем светофоре Козырь поглядывает на меня искоса и получает нейтральную улыбку.

– С чего это такие выводы?

– Молчишь уже семь минут подряд.

– Я занята, – ухмыляюсь широко, – воспитываю в себе комплексы. Скажи, зачем твоей жене четвертый размер груди? Ты не признаешь нормальных подушек, только силиконовые?

Ему везет. Как раз на нашем пути возникает светофор, и сильная ладонь бесцеремонно выдирает у меня их рук телефон.

Я склоняю голову набок. Не ору. К чему без толку тратить воздух? Я ведь за что боролась, на то и напоролась. И Козырь, косо глянув на открытый инста-профиль своей жены – кажется, скрипит зубами.

– Давай я подскажу тебе текст, – скучающе кривлю губы, – не лезь, не лайкай, не комменть. Если моя жена о тебе узнает...

– У неё закрытый профиль. Как ты её нашла? – сухо интересуется Козырь, бросая мой телефон обратно на мои колени.

– Представляешь, она на меня подписана, – сверкаю во все свои тридцать два зуба, – то на свадебной фотке её дакфейс показался мне знакомым. Лайкает меня. Постоянно, между прочим. И в профиль с одного запроса пустила.

На самом деле это было упоротое совпадение. И пожалуй, если бы не свежий лайк, прилетевший от KrissKozi, я бы её не узнала.

Впрочем, лайкнула она меня на диво вовремя. Я как раз лазила по соцсетям в её поисках.

– Ну, что, сделаешь селфи в моей машине? – хмуро интересуется Козырь. Судя по его тону, если я попробую – он вполне может мне сломать и здоровую руку.

– У вас совершенно нет фантазии, Александр Эдуардович, – я даже глаза закатываю, – мы не настолько близко с вами знакомы, чтобы я пустила вашу тачку в свой профиль.

Кто сказал, что моя война должна вестись настолько в лоб? Не-е-ет. Я нанесу этому подлому типу самый коварный удар, который он совершенно не ожидает.

Итак, вечер с мужем!

На фотках жены Козыря самого его практически нет. Одна фотка из ста, и каждая – непременно с каких-то мероприятий.

Отлично! То что нужно. Значит, они сегодня выходят “в свет”. Появляются на какой-то роскошной тусовке. Роскошной – потому что яркое платье цвета фуксии, в котором Кристину запечатлел фотограф, не годится ни для чего, только для светского раута.

С другой стороны, в Москве постоянно кто-то где-то тусит. И даже у рублевских женушек

Впрочем, Кристина Козырь выделяется на фоне рублевских женушек. У тех обычно жизнь состоит только из салонов красоты и фитнеса, потому что главное дело их жизни – соответствовать требованиям роскошного мужа. Кристина – не такая. Она пианистка, причем как я успеваю прогуглить за время поездки – довольно известная в Москве. Дает эксклюзивные VIP-концерты для избранных, кто способен её себе позволить. Информации о новых её концертах нет, значит, выход у неё планируется на чью-то тусовку. Конечно же, к кому-то из её подружек.

И какова вероятность, что та подружка уже её лайкнула?

За час-то?

Почти сто процентов.

В мире инстадив слишком медленная реакция на публикуемые тобой посты – повод перестать общаться с “тормозом мира сего”. Откуда знаю?

Ну, можно сказать, сама такая. Это ведь я при ссоре с тем же Георгинчиком перестаю смотреть его сторис. А он – перестает лайкать мои фоточки. Да, мы с ним подлые ублюдки, чего уж там.

Жаль, у Козыря сторис нет. Мстить ему придется по другому.

И пролистывая ленту лайков Кристины Козырь, я уже почти сформировала в голове план той изощренной мести.

Что может быть изощреннее, чем взять и нарушить личное пространство мнящего себя властным господином мужика? Который терпеть не может, когда ты делаешь что-то не по его капризу?

Правильно. Ничего.

Именно поэтому я со сладкой улыбкой пролистываю список лайкнувших фоточку Кристины Козырь и ищу. Вдумчиво ищу след.

О, а вот профиль Веры Сехмет. Художницы, сделавшей себе имя на картинах, которые она рисует отпечатками сисек.

О, а у неё сегодня выставка!

Вот оно – мое сладкое вожаженное бинго. Пять из пяти!

Козырь на диво мрачен, и кажется, в уме уже закопал меня по самые гланды, ожидает какой-то подлянки. Какая хорошая у него интуиция, однако!

– Ну что, заблокировать твою драгоценную? – спрашиваю с бесконечным милосердием. Я на самом деле могу. Все, что мне было нужно, я уже узнала. Боже, благослови гламурных чик, которые живут так, чтобы весь мир им завидовал.

Он молчит. Молчит и всячески меня игнорирует. Надо же! Снова пытается играть в игру “кнут и пряник”, используя вместо кнута отсутствие своего внимания. Нужно сказать – действительно. Лишить меня внимания – то же самое, что и лишить рыбу воды. Только я как раз та рыба, что сама выпрыгивает из толщи вод и на воздухе расправляет плавники.

Я не дышу, зато лечу!

А как вернуть себе вожаженную воду, я прекрасно знаю. Нужно всего лишь надавить этому типу на больное место сильнее.

– Что ж, значит, ты не против, если я какие-нибудь её фоточки лайкну?..

Он не говорит, но я чувствую нарастающее напряжение в постукивающих по рулю ладоням. Такие как он считают семью комфортной зоной. В которую не позволено вмешиваться таким, как я.

– Ты и вправду хочешь, чтобы я что-то тебе приказал?

Совершенно неожиданно Козырь возвращает мне мой выпад, да еще так, как я не ожидала. Будто приглашающе постукивает стеклом по колену, предлагая к ним стечь. И... Я ощущаю легкую тень, вздрагивающую внутри. Желание, которое еще не проснулось, но уже заинтересованно подняло ухо.

– Если тебе интересно, что я хочу – тормозни вон у той пекарни. Смерть как хочу печенья.

Вижу, как разочарованно дергается жилка на его щеке. Он неудовлетворен. Я говорю с ним слишком безмятежно. Смешно. Неужели и правда ожидал, что со мной будет все так просто?

– Не жди меня, – ухмыляюсь я, снова вылезая из тачки не открывая двери, – до универа три квартала, я дойду пешком. Не прощу себе, если ты из-за меня снова потеряешь пару миллионов. Женушке твоей ведь нужны деньги на ботокс.

Говорят, если хочешь спрятать какие-то свои эмоции – хорошо помогает гнев. Я готова с этим поспорить. Самое лучшее средство для маскировки – это смех. Пока ты зубоскалишь, гораздо проще скрыть внутреннюю борьбу. Выкручивание рук собственным порывам. Заталкивание в самую глубь души маленьких темных секретиков.

Я бы хотела увидеть его в деле...

Я бы хотела ощутить, какую боль он может причинить.

Только я в это не играю больше. Никому не могу доверить себя настолько. И ошейник никому больше не позволю на себя надеть. Не в этой жизни.

– До завтра, – роняет Козырь, на прощание. Пусть я сегодня и подпортила ему настроение, но он все равно никак не хочет от меня отвязаться.

– До вечера, – парирую я и разворачиваюсь к нему спиной, как только вижу, как в темных глазах зажигается опасная искра. Он почувал мой подвох. Теперь вопрос исключительно в том, сколько ему времени потребуется на то, чтобы понять суть моего замысла. Он умный. Быстро поймет.

Нет, я, конечно, могла бы так не палиться. Вот только в чем прелесть расправы, если моя жертва узнает о ней в самый последний момент? Мсть – она хороша, когда её смакуешь медленно-медленно!

И потом...

Я должна дать ему шанс оставить меня в покое.

Если сделает так, чтобы я не смогла попасть на выставку – будем считать, что он сделал свой выбор!

Глава 5. Хрупкая

– Ну давай, Светик, – мужчина, что держит камеру, старается говорить мягко, – вставай на колени.

В свои восемнадцать она была еще стройнее, казалась еще более хрупкой, но язвительности в ней было не столько. По крайней мере в сторону камеры она стреляет глазами недовольно.

– А снимать обязательно?

– Обязательно, если ты хочешь сделать мне приятно, – мужчина из-за кадра тянет руку к ней, покровительственно треплет по щеке, – я хочу, чтоб у меня сохранились доказательства, какой ты бываешь послушной. Послушной только для меня.

– Только для тебя, – повторяет она задумчиво и все-таки опускается на колени. Смотрит внимательными глазами в кадр, облизывает губы.

– Что еще ты мне прикажешь, Господин?

Палец, уже готовый к остановке, падает на нужную клавишу. С пару секунд Алекс смотрит в эти глаза, темные, дымчатые, бескрайние.

Её голос мягкий, непривычно мирный, удивительно искренний еще некоторое время будто отражается в его душе эхом.

“Что еще прикажешь?”

“Что еще ты хочешь?”

“Господин”.

Ко своему посетителю Алекс разворачивается, только когда внутри настает полная тишина. Мешать эмоции от увиденного с тем, что вот-вот поднимется в нем волной, не хочется. Как не хочется мешать любимое вино и неприятную горькую микстуру, которую необходимо выпить.

Не за себя выпить, за неё.

Посетитель ерзает на стуле. Он уже успел проораться на тех парней, что его сюда привезли. Грозил им братом-прокурором, зеками, которые непременно их опустят, вот только стоило самому Алексу войти в свой кабинет – гость заткнулся. Кажется, фамилия Козырей все-таки слишком на слуху, раз такая шваль знает его в лицо.

– Ну и что ты мне скажешь, Петр Алексеевич? – Алекс позволяет себе слегка дернуть краем рта. Настоящей улыбки этому мудню не полагается, но если не оживить мимику хоть на сколько-нибудь – тот просто обделается от страха. А какая важная персона этот Петр Алексеевич Шубин – аж второй заместитель мэра города Саратова.

– Н-ну, н-ну что тут с-скажешь, – нервно начинает блеять этот утырок, – н-ну да, я с ней спал. А что в этом такого? Вы-то как мужчина должны меня понимать...

– Должен? – если бы Алекс был волком – он сейчас выщерил бы хищно зубы. – С чего вы взяли, Петр Алексеевич, что я вам что-то должен?

– Н-ну, в-вы же тоже женаты, – заикаться Шубин начал еще сильнее, – и думаю, вы понимаете...

– Лучше б вы оставили обязанность думать тем, кто умеет пользоваться мозгами, Петр, – уже жестче цедит Алекс, постукивая пальцами по столешнице, – вы ведь понимаете, что вы здесь совершенно не потому, что когда-то изменяли вашей жене с этой девушкой? И опережу ваше умозаключение, даже тот факт, что именно вы были первый, кто практиковал со Светланой Клингер тематические отношения, мне не особо интересен. Мне интересно, почему она уехала из вашего города и за пять лет ни разу туда не возвращалась. Интересно, почему, оставшись в Теме, она резко сменила роль с сабы на доминантку. Иными словами, мне интересно, чем именно ты её сломал, угод?

Там на видео – нет ничего крамольного. Есть прелюдия к сексу, есть обнажение на камеру. Красивое. Во всем. От плавных, будто танцующих движений девушки на камеру, до каждого элемента белья.

Александра Козыря сложно удивить конкретным эротичным бельем, но можно удивить чувством удивительного вкуса, с которым Сапфира выбирает вещи, которые надевает на себя. Кружево стринг смотрится на её коже дороже и изящнее, паутина бондажа на груди – вопиюще эстетичной. Эта девочка даже в юном возрасте умела себя подать.

Жаль только, оценить её по достоинству этот мудень был попросту не способен. Он целый год дурил Сапфире голову, судя по нарытой переписке – обещал ей бросить жену, да так и не бросил.

Потом – сам порвал с ней, и пару месяцев в их переписке стояла мертвая тишина. Два месяца ровно. А после – одна лишь СМС от Сапфиры: “Я надеюсь, что ты будешь подыхать долго и мучительно”. За час до того, как она автостопом стартовала из Саратова в Москву.

Это было спонтанное решение, она еще долго вела переписку с брошенным саратовским универом, добивалась от них документов на перевод. Она не вела подготовку, не планировала свой побег, она уезжала навсегда. И такое ощущение, что у неё земля горела под ногами.

– Итак, что же ты сделал, Петр Алексеевич, – пальцы выстукивают на столешнице траурный марш. Преждевременно, конечно, но что поделать, если рвется изнутри вот это вот желание?

– Ничего, – Шубин снова начинает ерзать, – она хотела, чтобы я ушел от жены. Но мало ли у меня таких сиккулетов тогда было...

– Таких как она? – Алекс откидывается в кресле, смотрит на собеседника тяжело.

Два варианта – или он говорит с идиотом, или – с прожженным лжецом. Или он не понимал, насколько редкая и необычная птичка залетала в его руки, или – он попросту лжет, пытаясь сбить цену, которую сам Алекс Свете обозначил.

Впрочем... Он идиот, в обоих случаях. В первом – слепой идиот, во втором – самоуверенный. И с чего он взял, что его мнение интересно хоть кому-то в стенах этого кабинета?

– Ну... Может, и не таких... – в глазах Шубина все-таки отображается что-то понимаемое.

Все он понимал. Видео, которое сейчас показывал своему собеседнику Алекс, хакер из его службы безопасности достал из запаролизованного архива с рабочего компа Шубина. Судя по дампам памяти – Шубин его до сих пор регулярно пересматривал. Все остальные его записи из общения с сабами появлялись и удалялись. Только Сапфира оставалась в видеоархиве Шубина до сих пор. Его и выманить из Саратова удалось по маленькой осознанной утечке. Он только услышал, что есть инфа о Свете, и сорвался с места, явно желая с ней снова пересечься. Но почему они разбежались тогда? Хороший вопрос. Животрепещущий.

– Да ничего там особенного, – Шубин пытается казаться важным, небрежно кривит морду лица, – просто она взбрыкнула. Как это у Светочки водится – взбрыкнула, как она считает, насмерть. Я дал ей отойти, а она укатила в Москву. Доказать мне что-то хотела. До сих пор интересно, что?

– Взбрыкнула, значит? – Алекс повторяет медленно, ощущая, как тихо-тихо начинает пульсировать чувствительная жилка рядом с крылом носа. – А из-за чего взбрыкнула?

– Это же Светочка, – Петр Алексеевич закатывает глаза, – Светочка любит красиво жить и ни в чем себе не отказывать. Захотела на время отпуска смотаться со мной на Малибу, поваляться на пляжике. А мне некогда было.

– Супруга не отпустила? – Алекс впервые за время разговора позволяет прорваться наружу холодному ледяному яду.

Такое обвинение практикующему доминанту должно было послужить чем-то вроде пощечины. И она послужила, конечно. Как не нервничал бы Шубин, его лицо характерно вытягивается, а глаза злеют.

– Дела были, – в учтивый, подрагивающий голос собеседника прорываются шипящие нотки, – вопросы предвыборной компании решали.

– Ну да, ну да, – скучающе кивает Козырь. Он даже не пытается делать вид, что верит, это и не обязательно. В вопросах такого рода, если все всё правильно понимают – они обычно разыгрывают спектакли в лицах. Всё отражается в глазах.

В глазах Шубина сейчас дрожит скотский страх.

– Так, просто формально спрошу, – то, что она три недели в больнице избитая лежала, вы, конечно, не в курсе были?

Алекс без спешки тянется к бумажному пакету, вытаскивает из него амбулаторную карту, выкупленную из саратовской поликлиники. На титульном листе потрепанной коричневой книжки кардиографическим почерком врача выведено “Светлана Клингер”.

Забавно. Такое ощущение, что за пределами Москвы начинается доисторическая эпоха. Пять лет назад во всех и даже в бюджетных больничках столицы вполне себе умели пользоваться принтерами. А тут...

Скажите спасибо, что ручкой, а не гусиным пером с чернилами. Или что карта из бумажных листов сшита, а не из берестяных кусков.

– Ну как же, в курсе, – Петр Алексеевич фальшиво морщится, – что поделать, у неё совершенно асоциальная семейка. Мать-сектантка, отчим – Глава их секты. Они частенько... Распускали руки. Хотели, чтобы и она служила благу их... общины. Светочка рада была съехать от них, только они периодически находили её. Нашли и в тот раз. Судя по всему – этот раз стал для неё критическим. После него она и решила уехать из города. Жаль-жаль. Ей стоило обратиться ко мне за помощью, я бы её принял обратно, конечно. И защитил.

– То есть доверившуюся тебе неопытную сабу и любовницу ты оставил без защиты после какого-то её пустячного каприза, правильно я понимаю? – повторяет Алекс, переставая глядеть на собеседника. Мараться не хочется даже глазами.

У тишины бывают разные вкусы. И вообще, она редко бывает абсолютной, всегда есть какие-то шорохи, звуки дальних шагов, тиканье часов...

У тишины, что сейчас повисла между Алексом и Шубиным, привкус взаимного раздражения, приглушенных, но все еще уверенных опасений, и недовольного сопения.

Люди вообще редко любят, когда им правду о них самих рассказывают.

– Она ушла сама, – Петр Алексеевич все-таки находится с враньем, – ушла, хлопнула дверь, ошейник вышвырнула в помойку. Из квартиры, что я для неё снимал – съехала. Тряпки, которые для неё покупал – на ключья порезала. Цапки – отправила курьером, под роспись. Я решил – выкаблучивается, так выкаблучивается.

– И оставил её без защиты, зная о мамаше-психопатке?

– Это был её выбор!

– Сколько времени она на тебя потратила? – Шубин аж вздрагивает от такой постановки вопроса.

– В смысле?

– Сколько своего драгоценного времени она потратила на тебя, угод, – мрачно повторяет Алекс. Был бы этот персонаж умным – не заставлял бы повторять. Но ладно. Значит, огребет еще и за отсутствие мозгов.

– Сколько я с ней спал? – Шубин перефразирует вопрос в лестной для себя формулировке. – Полтора года.

– Полтора года, – Алекс кивает, получая еще один факт в свою копилочку, – полтора года девочка слушала твою лапшу, ложилась с тобой в постель, надевала для тебя ошейник и разрешала себя содержать.

– Разрешала? – Шубин ядовито кривится, мол, разве это не в её интересах было.

– Разрешала, – снова повторяет Алекс, ставя еще один плюсик в графе “степень жестокости грядущего наказания”, – ты и сам понимаешь это. Она была с тобой не ради бабла твоего. И не ради лапши. Поэтому ты до сих пор на её видео дрочишь. Потому что она настоящая была. Ты не понимаешь, что упустил, но гнилой своей паскудной натурой чуешь.

– А тебе-то что? – агрессивно вскидывается враг. Палится еще сильнее.

– Я не люблю, когда мне врут, Петр Алексеевич, – Алекс скучающе покачивает головой, – а врать мне так нагло – вообще опасно для жизни. Света ушла от тебя не из-за того, что ты отказался везти её на острова. И не мамаша её отправила в больницу с кучей переломов и ушибов. Их было слишком много.

– Так она не одна была, – он все еще пытается скрывать, – и отчим...

– Когда она вышла из больницы, она написала тебе, – Алекс поднимается из-за стола, – тебе она пожелала сдохнуть. Если бы была причастна её мать – разве не ей Света бы адресовала эти свои пожелания?

– У неё ветер в башке, – Шубин тем временем будто пытается отползти назад от нависшего над столом Алекса, вместе с креслом, – мало ли что...

– Мало ли что могло её на это подвигнуть? – хрипло проговаривает Алекс. – Мало ли что взбрендило девушке после сотрясения? Например, захотелось ей поскандалить из-за неверного диагноза – это все сотрясение виновато. Не было ничего. Никого не было. И она никого не теряла! У неё память путается.

Он говорит это и через силу смотрит на врага.

Было в его жизни много неприятных уебней, и бандиты были, и мерзавцы, но вот такого уровня мудозвоны, бьющие слабых и неравных, всегда вызывали только невыносимую внутреннюю дрожь.

А Шубин – бледнеет, зеленеет, все больше покрывается разноцветными пятнами.

Кажется он понял, что Алекс уже все понял сам. И опровергать бессмысленно.

Света не просто так от него ушла. Не одна. Света выбрала жить для себя и для того, что зародилось внутри неё.

А этот мудозвон...

А этот мудозвон, побоялся что выплывший ребенок даже от бывшей любовницы уничтожит его политическую карьеру. И все организовал. И даже информацию о выкидыше у Светы из карты скрыли. Она это заметила, все поняла, кому спасибо сказать надо.

И уехала из города, что умер для неё окончательно.

Не удивительно, что за прошедшие пять лет она вообще ни с кем из родного, казалось бы, Саратова не связывалась.

– Ты... Ты не докажешь ничего! – рявкает Шубин, набираясь смелости. – Не докажешь. А её у нас сожрут, если вздумает вернуться.

Ну что ж, будем считать это за чистосердечное признание.

Осталось только детальки приговора обмозговать!

Глава 6. Заинтересованная

– Светик, ты вообще уверена, что это сработает? Моро на это клюнет? – Георгинчик скептически шурится, глядя на забитую дорогими тачками парковку. – Она совершенно не любит мыльных пузырей, надутых расфуфыренными женушками наших нуворишей.

– Не чади, это же моя ставка, – я неторопливо опускаю каблучки на асфальт, вылезая из мажористого Гошиного красного кабриолетика. Сегодня мне не до выкаблучивания, сегодня я – леди, а леди не вылезают из тачек не открыв дверей. Да и Гошик пришибет меня за пару пылинок на замшевых сиденьях его возлюбленного поршика. Кажется, за мазок помады он даже бросил единственную бабу, с которой продержался аж целый год в отношениях и по которой сходил с ума.

– Выставка эта – твоя ставка. А ты – моя, – парирует Георгинчик, этакое чудное видение в клетчатых штанишках в сине-зеленую клетку и черной рокерской кожанке. Коллеги стили-метросексуалы все еще носят полоску и пиджачки с заплатками на локтях, а Гошик уже настроен на рокерскую волну. Он прав. И эта клетка – в следующем сезоне её будут рвать со всех вешалок мира. От массмаркета и до магазинов высокой моды.

Я улыбаюсь. Конечно, чтобы достать приглашение на закрытую выставку, пришлось попотеть, одна я потеть не люблю – припрягла Георгинчика. Он у папы вырос крайне пробивным цветочком, может в пустыне горсть снега достать, правда для этого его нужно замотивировать.

Естественно, я не могла ему рассказать, что хочу проникнуть на выставку к Вере Сехмет, чтоб подрезать одного властного дядечку, который с чего-то взял, что может играть со мной на равных. Не может. Я не дамся. Такие уж у меня дурацкие принципы.

Впрочем, статью я для Моро все равно напишу.

И уже знаю как, чтобы она точно её прочитала.

Борьба с приевшимися шаблонами и принятие сексуальности собственного тела – те темы, которые Ева Моро обожает в любом виде. А что может подойти под эти темы лучше, чем экстравагантная художница, застраховавшая свою грудь не потому, что её папик боится потерять вложенные в эту область деньги, а потому что для неё это действительно рабочий инструмент.

Гошик – удивительно магический человек. Я уже говорила про пустыню и снег, да? Так вот, это все-таки недостаточно емко. Вот сейчас у Гошика в арсенале – одна только голливудская улыбочка, да я в своем скромном маленьком черном платье, аксессуаром к которому служит мой верный гипс.

Маленький камерный выставочный холл, один день съема которого стоит столько, что на его аренду мне не хватило бы продажи обеих почек, сегодня пользуется большим спросом. И от дверей до парковки выстроилась очередь весьма состоятельных людей, которые терпеливо ожидают, пока охранник на входе проверит их билеты и паспорта на подлинность. А Гошик улыбается и ведет меня мимо очереди. Там за спиной кто-то отпускает возмущенные замечания, но ни я, ни Георгинчик не ведем и бровью.

Блеф – это очень тонкое искусство. И ни в коем случае нельзя обращать на трещащий лед. Иначе просто не дойдешь.

Конечно же, самый главный бой ожидает нас непосредственно на входе. Где Георгинчик все с той же голливудским оскалом подруливает к паре, как раз проходящей контроль.

– Дмитрий Валерьевич, какая встреча!

Судя по прищуре названного Дмитрием Валерьевичем, последний раз он Гошика видел в детском садике, и стих, ради которого Георгинчик пацаном залез на табуретку, ему не очень понравился, вот только он еще не понимает, что единственный способ избежать Гошиной атаки

– это просто пристрелить его на месте. И не дать открыть рот. Но с этим Дмитрий Валерьевич уже опоздали. Гошик кружит вокруг него как коршун вокруг курицы, и тараторит, тараторит без умолку. – Боже, как же вы изменились с нашей последней встречи. Диетолога нашли? Да быть не может, что нет, так похудели. И рельефы прибавились. Ах, какая жалость, что я не в вашем вкусе, я бы тоже подержался за этот бицепс.

Чем всегда восхищалась в Георгинчике – так это его удивительным талантом говорить такие вещи в тональности между шуткой и серьезностью. Так, что лютый натурал заржет, подумав, что его собеседник прикалывается, а свободный гей верно поймет намек и позже подойдет стрелкнуть телефончик.

До сих пор кстати не уверена, что Гошик и правда би. То есть да, есть причины для подозрений, но при мне он еще ни одного парня не засосал, да и в открытую не сознается. Кажется, он просто не заморачивается на эту тему, а я – еще не достаточно доверенное лицо в этом вопросе.

Вторая порция лести достается даме Дмитрия Валерьевича. Третья – охраннику, окосевшему от начавшегося перед ним цирка. Удивительная магия, но ближайшие люди в очереди наблюдают за Георгинчиком с благодными рожами, как за клоуном, что перед ними на банановых кожурках пляшет. При этом у Гоши к каждому свой ключик, уже спустя десять минут дама Дмитрия Валерьевича промакивает уголки глаз от рассказанной неприличной шутки, а её кавалер подумывает Гошика усыновить. Ибо такой дипломат в хозяйстве точно пригодится.

Ловкость языка и никаких аффирмаций. Через четырнадцать минут Гошик раскланивается удовлетворенной публике, цапает меня за локоток и интересуется насмешливо:

– Ну что, Цветик, слюной зависти моему красноречию не изошла еще?

– Сам ты... Цветик, – я без особой злости щиплю его за запястье, – нет, не изошла. У меня защечные мешки для яда очень вместительные. Но ты, конечно, бесподобен.

– Эй, вы, двое, – мрачный голос охранника за нашими спинами – суровое покашливание от действительности, – а ну-ка стойте.

– Кажется, в этот раз без выступления на бис не обойдется, – хихикаю я, и вместе с Гошиком разворачиваюсь к догнавшему нас амбалу с фейс-контроля. Георгинчик открывает было рот, но охранник срезает его до того, как мой приятель шевельнет языком.

– Вы можете идти, Георгий Викторович, – подбострастная лыба эффективнее кляпа затыкает Гошику рот, – у меня вопросы к вашей даме.

– Она со мной, – Гошик молодец, не собирается сливаться в сложный час, – мой плюс один.

– У меня особые распоряжения на счет Светланы Клиnger, – спокойно откаликается охранник, глядя на меня в упор, – только насчет неё.

Ах, вот оно что. Значит, Козырь все-таки понял, что я буду на этой выставке и специально заплатил, чтобы меня даже не пропустили? Ну что ж...

– Не жди меня, Георгий, – произношу, поднимая подбородок с гордыней готовой к казни королеве, – глотни местного искусства, мне все потом расскажешь.

К счастью, в голове Гошика здоровое количество и верности, и здравого смысла. Он знает, что может здесь повидаться с важными людьми и догадывается, что я не буду посылать его одного из фальшивого благородства. Раз отпускаю – значит, тупых обидок с моей стороны не будет. Хотя судя по прищуренным глазам – меня ждет хороший такой допрос на тему, с кем это я спуталась, что меня куда-то аж не пускают.

– Вам туда, – охранник дергает подбородком влево, указывая мне на дверь слева, с табличкой “только для персонала”.

Хм... А я-то думала, мне на выход!

Комната, в которую меня отправили, хоть и написана что “для персонала”, но судя по всему, изначально принадлежала минимум заведующей этой галереи. Здесь красивый винтаж-

ный диванчик манит синим бархатом своей обивки и стильно изогнулся над полом письменный стол очень современного дизайна.

Я думала, сам Козырь будет ждать меня тут. Ну или какая-нибудь его секретутка, на стержневых каблуках в два раза длиннее моих. Потому что ну кто-то же должен мне сказать, что на этой выставке мне не рады, и не пойти бы мне...

Никого нет...

Только коробка стоит в центре чужого письменного стола. Белая круглая коробка. И белый конверт сверху.

– Он что, решил от меня откупиться? Подарить мне... – скептически оцениваю размер коробки, – какое-нибудь платишко или туфельки, чтобы как-то “компенсировать” мне сорвавшуюся выставку? И даже не соизволил сделать это лично?

Боже, Александр Эдуардович, а так хорошо начинали! Жестокое выходит разочарование.

Я подхожу к коробке, не потому что мне смерть как хочется посмотреть, что внутри. А потому что я хочу распробовать каждую каплю положенного мне облома. А то... Грешно сказать, но он ведь начал меня интересовать. Так что принять горькую пилюлю очередного банального подарочка – и с чистой совестью учесать в закат. Гошику потом скажу, что передумала. Ему не привыкать, он знает, если мне даст в голову внезапная шлея – я могу пешком и босиком десять километров пройти. Главное, чтоб я выполняла обещания, а с этим у меня не ржавеет.

Коробка или конверт?

Пожалуй, конверт.

Хочу увидеть – он хоть своей рукой записку написал, или секретутка одно из шаблонных предупреждений любовницам распечатала?

На белом плотном прямоугольнике, который я достаю из конверта, не так уж много слов. Рукописных.

“Ты можешь войти только в этом!”

Приподнимаю брови. Задумчиво провожу ногтем по крышке картонной коробки. Условия, значит, ставит? Опять? Первого облома было мало?

С другой стороны – может быть, он уверен, что я не сделаю этот шаг и у него появится уловка: “Ты сама не захотела”. Шанс обвинить меня в том, что струсил уже я. Побоялась вступать с ним в игру, побоялась принимать его подношение.

Что ж, посмотрим.

Если дорогая цапка – сразу пошлю к черту. Слишком устала, что за пару бриллиантов в подаренных гвоздиках мужчина обычно сразу начинает ждать, что ты будешь готова на все ради него, бесконечно щедрого дарителя.

Если там платье – я буду смотреть, насколько оно соответствует моим эстетическим вкусам. Если туфли – тоже. Может быть, случилось где-то в космосе внезапное затмение, и он угадал. И я влюблюсь в подарок с первого же взгляда. Хотя я в это почти не верю. Обычно три бутика приходится перерыть, чтобы найти хоть что-то приемлемое.

Я снимаю крышку решительно, как снимала бы сейчас голову уважаемому Александру Эдуардовичу. Чуть не зависаю, глядя на то, как в круглой коробке приличного размера умещается белая квадратная, чуть поменьше.

И еще один конверт...

“Ты ведь не остановишься, сделав первый шаг?”

Вот ведь!

Я уверена, продумывая эту затею, он гнусно хихикал своей наглой доминатской душой. Так запросто подцепить меня и за любопытство, и за гордынюк заодно. Конечно, я не остановлюсь! Мой бронепоезд не оснащен таким излишеством как тормоза.

Размеры второй коробки уже отвергают мысли о платье или туфлях. Туфли бы не влезли, даже с моим детским тридцать пятым размером, платье – попросту измялось бы. Дарить такой капризной диве как я мягкое платье... Ну нет, даже если Козырь болван, что уже кажется мне маловероятной гипотезой, и то бы не допустил такой мальшеской оплошности. Что тогда в коробке? Шарф? Чулки? Диадемочка?

Моя внутренняя королевишна заинтересованно приподнимает бровку.

А что? Это было бы хотя бы не так банально, как пресловутые сережки-колечки, которые обычно покупают, потому что во всем спектре товаров ювелирных магазинов это меньшее из зол.

Ладно, к черту гадания! Открываю!

Вот ведь... Мудила!

Внутри второй коробочки находится третья. Черный бархатный футляр, и еще одна записочка.

“Это последняя”.

Серьезно, что ли? И мне он предлагает просто взять и поверить на слово?

Сама не знаю, почему проворачиваю записку в пальцах – во всех предыдущих посланиях задние стороны были чистые. А тут – нет. На задней стороне третьей записочки убогим и сдержанным почерком Александра Козыря выведено:

“Честно”.

Закатываю глаза. С другой стороны – на спине волосы дыбом встают. Он уже может предсказать мои мысли? Эй, я вообще-то изо всех сил стараюсь быть самой внезапной женщиной мира! И до сегодняшнего дня справлялась! С чего бы какой-то хрен с горы мог меня предсказать?

Ладно.

На футляр смотрю со смесью ожидания и разочарования. Судя по размерам – это уже точно никакая не диадема, да и чулки туда влезут только если их спрессовали вакуумом. Что-то я сомневаюсь, что кто-то мне сейчас принесет стакан водички, чтобы я их размочила. В общем, вариантов мало. Это все-таки ювелирка. Вряд ли серьги, вряд ли кольцо, разве что он нарочно хотел сбить мои мысли с истинного пути и запихнул украшение в неродной футляр. Тогда что? Колье? Нет, у них плоские квадратненькие футляры. Кулон? Почти по тем же причинам навряд ли. Браслет? Кто-то хочет швырнуть деньгами мне в глаза, потому что ювелирные браслетики – дорогое баловство? Он серьезно верит, что я этим впечатлюсь?

Может быть, там ошейник?

Эта мысль странная и внезапная. И в какой-то момент мне кажется, что она самая верная. По размерам идеально бы легла на бархатную подушечку кожаная змея с ременной застежкой.

Идеально, да. Но он ведь понимает, что я не настолько хочу посмотреть на его жену, чтобы примерить столь личный аксессуар? Не такой ведь он дурак? Мне казалось, что он из тех Доминантов, которые без твоего “да” пальцем к тебе не прикоснутся. Даже если ты на колени к ним залезешь.

В этом плане даже ювелирка будет смотреться умнее. Потому что она хотя бы – шаг ко мне как к женщине. Шагать ко мне как к сабе... Вот так в лоб...

Да никак не стоит. Решение, принятое мной пять лет назад, не подлежит пересмотру. Слишком многое за ним стоит.

От воспоминаний горчит на языке. Будто пепел, который жег мои ноги по время побега, снова накалился. Приходится отвлечься и пару секунд потаращиться в потолок над моей головой, чтобы ни капли горя из меня не вытекло.

Что нас не убивает – делает нас сильнее, да?

На мой вкус – нет. Все что ударило по тебе, все что сотрясло твой мир, даже если не разбило тебя вдребезги – оставило в тебе трещину. Уязвимое место, из-за нажима на которое ты

сможешь разлететься вдребезги. Самые сильные люди – в жизни не ведали бед. Самые сильных людей не швыряли в воду посреди озера и не орали: “Плыви”. Самым сильным людям не приходилось уходить из дома в ноябре в одной футболке, потому что долбанувшаяся мамаша сожгла единственную осеннюю куртку, потому что “я её купила, она – моя”.

Возвращаюсь взглядом к коробке на столе. Она все еще ждет меня. Финальная точка, ждет, когда же я её поставлю. Открою, посмотрю на цацку, подаренную мне очередным облегченным деньгами мудилой, положу футлярчик обратно и выйду нахрен.

Выйти нахрен – это вообще мое самое любимое направление движения.

Достаю футляр из коробки. Щелкаю серебряным замком. Открываю коробку. И... Глаза открываю, широко, широко...

Там в коробке на черном бархате лежат часы. Дорогушие Ланги, но суть не в этом. У них видна крохотная царапинка на сапфировом их стекле, и на кожаном ремешке видны потертость. И я знаю эти часы, я на них уже не один день пялилась, когда ездила с Козырем в одной машине.

Он... Серьезно, что ли?

Часы, снятые с руки, это не ошейник, конечно. Это вещь, несущая в себе след хозяина, который перекрывает изначальную цену предмета.

Если вы хотите, чтобы я подробнее вам рассказала, почему сэконд-хэнды – это не плохо, то... зайдите попозже. Я сейчас чуть-чуть занята!

Я вижу маленькую ниточку, обвитую вокруг ремешка у самого циферблата. Достаю часы из футляра, чтобы рассмотреть, что же там такое. Переворачиваю. На обороте часов – свежая гравировка в виде ласточки. А на ниточке болтается очередной прямоугольничек, на котором смеются надо мной крохотные буквы.

“Ты же не думала, что я попытаюсь тебя купить?”

Я сейчас думаю...

Что хочу его отравить.

Ради этого счастья я даже его поцелую. Даром, что ли, так долго яд в защечных мешках копила?

Потому что хватит предсказывать меня так метко! Это мое хобби – видеть людей насквозь.

Глава 7. Провокационная

Чего я совершенно не ожидала, так это того, что картины Веры Сехмет действительно произведут на меня впечатление. Это не загламуренная и распиаренная лажа, вроде букета цветов, стилизованного из круглых отпечатков. Это натуральные абстрактные картины, между которыми бродишь и тонешь в цветах и формах. Вот красивый угловатый девичий подбородок с пухлыми губами и морем, плещущимся на месте верхней части головы. Картинка смотрится настолько цельной, что я даже зависаю на некоторое время, оценивая технику выполнения перехода.

Я не искусствовед. Даже близко не пытаюсь из себя его строить. Но оценить красивую картинку – о да, это я умею прекрасно.

А вот дикое буйство красок, будто целый океан вдруг замер и порос разноцветной плесенью.

– Моя любимая картина, – мягкий и очень девичий голос, наполненный бархатистыми низкими нотками звучит над моим плечом, – большинство людей, как это ни странно, заказывают у меня портреты. Особенно мужчины.

– Зачем же заказывать у абстракциониста реалистичный портрет? – удивляюсь, поворачиваясь на голос.

– Затем, чтобы гнусно фантазировать все то время, пока портрет будет рисоваться, – Вера Сехмет, миниатюрная пухленькая брюнеточка с потрясающе чувственными огромными глазами, ослепительно мне улыбается.

Её, так скажем, “рабочие инструменты” украшены потрясающим декольте. Ох, да, тут есть о чем пофантазировать.

Я даже с некоторым сожалением кошусь на свой фасад. Увы... Когда подрабатываешь моделью на съемках у дизайнеров, маленькая грудь – это, конечно, достоинство, но когда дело касается женской самооценки...

Что ж, спасибо хоть не совсем плоскодонка, что уж там.

– Может быть, ты не согласишься, но я так устала, когда на меня вот так реагируют, – доверительно и слегка ворчливо шепчет мне Вера, чуть наклоняясь вперед и как-то совершенно легко и невозмутительно переходя со мной на ты.

Эй, Цветик. Ты с ума сошла! Что это еще за мимими с подружками жены Козыря? Ты забыла, в чьих часах тут расхаживаешь? Кстати...

Я поднимаю руку и провожу пальцами по волосам якобы встряхивая начесанную и налаченную мою гриву. Широкая кожаная полоса бросается в глаза очень сильно – даже затянув на последнюю возможную дырочку, я все равно не теряю часы только потому, что ношу руки скрещенными на груди. Ну, то есть на том, на чем Вера Сехмет рисует.

Кстати, о ней. Я оказалась права. У художницы, как и у встречавшихся ранее мне её коллег, оказывается отличная зрительная память. И если лица моделей и натурщиков художник обычно не утруждается запоминать, то эффектные часы на фактурной мужской руке – очень даже.

– Нет, ну что вообще вы все в нем находите? – сердито интересуется Вера и в сердцах встряхивает идеальным своим каре. – Вот через одну буквально...

– Вы? – удивленно приподнимаю я бровь. А Вера бросает недовольный взгляд за мое плечо и влево. Туда, где за углом особенно активно журчат чьи-то голоса. Если прислушаться – можно услышать высокий манерный женский голос. Если сделать пару шагов, чтобы сменить угол обзора – увидишь и хозяйку этого голоса в её ярком, режущим глаз платье. И мужчину, на плечах которого она виснет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.